

СУДЬБЫ КНИГ · СУДЬБЫ КНИГ · СУДЬБЫ КНИГ

А. В. Блюм

КАРАТЕЛЬ ЛЖИ
ИЛИ КНИЖНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

СУДЬБЫ КНИГ СУДЬБЫ КНИГ СУДЬБЫ КНИГ

А. В. Блюм

КАРАТЕЛЬ ЛЖИ
ИЛИ
КНИЖНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

Москва, «Книга», 1978

002
Б 71

Б $\frac{61001-015}{002(01)-78}$ 4-78

© Издательство «Книга», 1978

Услышав одно лишь имя — «барон Мюнхгаузен», — даже убеленный сединами человек не удержится от легкой светлой улыбки.

Он сразу вспомнит одну из самых любимых и веселых книг своего детства — «Приключения барона Мюнхгаузена», пересказанные для детей Корнеем Ивановичем Чуковским и украшенные чудесными иллюстрациями Гюстава Доре. Вот почему, наверное, подавляющее большинство читателей считает «детской» знаменитую книгу о славном и «бесстрашном» бароне, «самом правдивом человеке на земле».

Чрезвычайно распространенное, но, впрочем, вполне естественное заблуждение...

Книга Распе — Бюргера, двух немецких писателей, создавших всемирно известный образ Мюнхгаузена, поделила участь многих других замечательных книг, поначалу вовсе не предназначавшихся (по крайней мере, их авторами) для детских глаз и ушей, таких, как «Робинзон Крузо» Д. Дефо и «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта. Меж тем, взрослый читатель и сейчас в полном тексте приключений Мюнхгаузена найдет для себя немало интересного и поучительного. Не случайно М. Горький, так много сделавший для сохранения и пропаганды культурного наследия прошлого, ставил их в один ряд с крупнейшими творениями мировой классической литературы. «Подлинную историю трудового народа, — говорил он в докладе на I Всесоюзном съезде советских писателей, — нельзя знать, не зная устного народного творчества, которое непрерывно и определенно влияло на создание таких крупнейших произведений книжной литературы, как, например, «Фауст», «Приключения барона Мюнхгаузена», «Пантагрюэль и Гар-

гантюа», «Тиль Уленшпигель» де Костера, «Освобожденный Прометей» Шелли и многие другие»¹.

Имя Мюнхгаузена давно стало нарицательным. «Субъект этот — настоящий Мюнхгаузен по лживости...», — писал К. Маркс об одном не в меру хвастливом буржуазном журналисте².

История книги о Мюнхгаузене — ее истоки и замысел, перипетии, связанные с выходом ее в Лондоне, многочисленные издания, распространение в различных социальных читательских кругах — необычна и увлекательна, как необычны и увлекательны сами рассказы барона. Особый интерес представляет история так называемых «мюнхгаузиад» (переделок, адаптаций, произведений, написанных по мотивам и под впечатлением этого образа), которыми богата почти каждая национальная литература.

Немецкие исследователи сделали очень много для изучения «мюнхгаузеновского вопроса». Наиболее обстоятельно он изучен Е. Вакерманом и В. Швейцером, выпустившими одновременно (в 1969 г.) две солидные монографии³. В последнее время и в нашей литературе появился ряд интересных статей и заметок, посвященных этому образу⁴. Но все эти работы недостаточно освещают судьбу *самой книги* о Мюнхгаузене, особенно в нашей стране. А она, между тем, таит в себе много нового и неожиданного. Вот почему автор большую часть настоящего очерка посвящает русским изданиям и переделкам книги Распе и Бюргера.

Уже почти 200 лет книга о приключениях Мюнхгаузена смешит и радуется читателей. Переведенная едва ли не на все языки, она действительно принадлежит мировой культуре. Итак, читатель, совершив еще одно путешествие — вместе с книгами о Мюнхгаузене и его необычайных приключениях и «подвигах».

¹ Горький А. М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 27, с. 311.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 199.

³ Wackerman E. *Münchhauseniana*. Stuttgart, 1969; Schweizer W. *Münchhausen und Münchhausiaden*. Bern — München, 1969.

⁴ Белоусов Р. С. О чем умолчали книги. М., 1971, с. 126—145; Марин В. Династия Мюнхгаузен. — «Дет. лит.», 1971, № 6, с. 39—44; Брандис Е. П. От Эзопа до Джанни Родари. М., 1965, с. 53—54; Бегак Б. Барон Мюнхгаузен и дети. — «Дошкольное воспитание», 1975, № 2, с. 26—30 и ряд других небольших заметок в периодике.

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

В середине 1781 г. в маленький городок Боденвердер вблизи Ганновера почта доставила восьмой выпуск берлинского альманаха «Путеводитель для веселых людей». Давно живший на покое шестидесятилетний дворянин Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен, предвкушая удовольствия, начал бегло просматривать его и вдруг... что это? В предисловии издателя к одному из разделов альманаха он читает: «Возле Г-вера живет весьма остроумный господин М-х-з-н, пустивший в оборот особый род замысловатых историй, авторство которых приписывается ему...» Географические координаты и имя (сокращения были слишком прозрачны) не оставляли сомнений в том, что он неожиданно для себя стал автором шестнадцати небольших рассказов-анекдотов, напечатанных вслед за предисловием. Что правда, то правда, сокрушался подписчик альманаха, я любил за бокалом старого мозельского вина рассказывать своим гостям различные истории, приключившиеся со мной в молодости, верно, что при этом я слегка подчас... преувеличивал,украшая их, так сказать, цветами невинного юмора и вполне безобидной фантазии. Но напечатать эти истории под таким понятным всем согражданам псевдонимом... нет, это уж слишком!

Скажем сразу, что настоящие огорчения старого барона еще впереди: и пяти лет не пройдет, как он увидит свое имя напечатанным полностью на титульном листе довольно объемистой книжки, вышедшей в Англии. Так имя Мюнхгаузена впервые появилось в печати. Через два года (в 1783 г.) анонимный корреспондент «Путеводителя для веселых людей» (имя его до сих пор не установлено — возможно, это был один из гостей Мюнхгаузена) опубликовал в девятом выпус-

Портрет Мюнхгаузена работы неизвестного немецкого мастера середины XVIII в.

ке альманаха еще два рассказа «господина М-х-з-н-а». Ряд новелл-анекдотов он заимствовал из средневековых немецких книг и фольклорных произведений, широко бытовавших в Германии того времени.

Но вернемся к нашему барону... Далеко не все читатели знают, что полюбившийся им с детства литературный герой вполне реальная историческая личность. Прототип нашего героя родился 11 мая 1720 г. в имении своих родителей Боденвердер (герцогство Брауншвейг), в молодости совершил несколько вояжей в другие страны, затем, уда-

лившись от дел, жил до конца своих дней в родовом имении. Скончался Мюнхгаузен 22 февраля 1797 г. По-видимому, в роду Мюнхгаузенов было много путешественников, во всяком случае, на сохранившемся фамильном гербе изображен путник с фонарем и посохом в руке (шутливый «фамильный» герб, придуманный Гюставом Доре, имеет отношение, конечно, только к литературному Мюнхгаузену).

Тринадцатилетним мальчиком он действительно прибывает в Петербург в свите герцога Антона Ульриха Брауншвейгского, но, разумеется, не тем экстравагантным способом, который описан в книге (на волке, впряженном в сани). Как известно, императрица Анна Иоанновна, преследуя далеко идущие политические цели, выбрала герцога Брауншвейгского на роль мужа своей племянницы принцессы Анны. Хорошо известна также печальная кончина герцога Брауншвейгского, ослепшего и умершего в заточении глубоким стариком. Однако

в первые годы пребывания в чужой стране судьба, казалось, благоволила и к самому герцогу и к его спутникам, приехавшим в Россию «на ловлю счастья и чинов». Русская императрица, окружившая себя выходцами из Германии, срочно переименовывает Ярославский драгунский полк в Брауншвейгский. Антон Ульрих получает разрешение «принимать в оный курляндцев и иноземцев, годных к службе, кои изъявляли на то желание». Юный паж герцога барон Карл Иероним Мюнхгаузен, зачисленный в этот привилегированный полк, надевает красивый мундир, украшенный вензелем императрицы, и предается обычным утехам придворной молодежи того времени. Он принят в свете, участвует в веселых пирушках и проказах. Подлинная жизнь России, ее история и культура, надо полагать, мало интересовали барона. Гораздо больше его привлекала псовая охота... Вообще, заметим, барон Мюнхгаузен был личностью весьма заурядной, если не считать дара импровизации, который ему приписывают. Напрасно он сетовал на «злокозненные проделки» разных «борзописцев», предавших его имя всеобщей огласке: если бы не они, имя его было бы окончательно стерто и прочно забыто историей.

В 1737 г. семнадцатилетний корнет Брауншвейгского полка барон Мюнхгаузен принимает участие в походе огромной русской армии под Очаков во главе с фельдмаршалом Минихом. Сведения о непосредственном участии барона в военных действиях и штурме этой неприступной крепости крайне скудны, малодостоверны и противоречивы. В литературе иногда мелькает рассказ о храбрости, проявленной бароном при штурме Очакова. Однако немецкий исследователь Вернер Швейцер, изучавший документы, связанные с жизнью Мюнхгаузена, склонен относиться к этому эпизоду весьма скептически; во всяком случае, документы об этом умалчивают. Скорее всего, барон находился в свите своего патрона на почтительном расстоянии от крепости, хоть он и привез из похода турецкую саблю, играющую в рассказах роль вещественного доказательства его необычайной храбрости и отваги.

Довелось Мюнхгаузену участвовать еще в одном реальном историческом событии. После воцарения Елизаветы Петровны он получил назначение в Ригу, куда был перемещен Брауншвейгский полк. В феврале 1744 г.

ванном новом чине так верно и прилежно поступать будет, как верному и доброму офицеру надлежит»¹.

Но наш герой рассудил иначе: несмотря на милости императрицы в том же году он оставляет русскую службу и возвращается в родной Боденвердер. Возможно, причиной тому послужила предстоящая женитьба на дочери местного судьи. Так или иначе, тридцатилетний барон, вернувшись на родину, ведет вполне добропорядочную жизнь обычного немецкого юнкера, не отличавшуюся особыми событиями: занимается хозяйством, много времени отдает своему любимому занятию — охоте, вспоминая, должно быть, о раздолье русских лесов и полей, в которых охотился в молодости. Рассказы Мюнхгаузена о его охотничьих и военных «подвигах» в России пользуются большим успехом среди гостей — посетителей дружеских вечеров в Боденвердере. Они с нетерпением ждут, когда хозяин приступит к повествованиям о своих приключениях. Попыхивая пенковой трубкой и довольно часто прикладываясь к бокалу, наш барон все больше и больше увлекается своим красноречием. Поощряемый одобрительными возгласами друзей, он рассказывает о приключениях, которые довелось ему испытать в далекой России, в той загадочной стране, где всякое может случиться... Постепенно распаленное воображение все дальше и дальше уносит его от реальности; рассказы его принимают оттенок фантазмагии, действительность растворяется в изобретательной выдумке.

Очевидно, для Мюнхгаузена это был способ самоутверждения, возможность хотя бы на короткое время вырваться из обыденности жизни.

Жители небольшого немецкого городка Боденвердера и сейчас гордятся тем, что именно их город — родина барона Мюнхгаузена. Конечно, рассуждают они, это не Веймар, в котором сохранились дома Гете, Шиллера, Листа, но... все-таки: у нас есть дом Мюнхгаузена. В этом доме устроен музей Мюнхгаузена (редкий случай — музей в честь литературного героя). Он указан во всех путеводителях и привлекает массу туристов. Что же, для местных жителей это неплохо... В парке, окружа-

¹ Этот подлинный документ, снабженный подписью Елизаветы Петровны, хранится в музее Мюнхгаузена в Боденвердере и воспроизведен в указанной выше книге Вернера Швейцера (с. 17).

Дом-музей Мюнхгаузена в Боленвердере
(современная фотография)

ющем дом, установлен «памятник-фонтан»: на рассеченном пополам коне сидит сам барон (помните? — «...вода вытекала сзади по мере того, как она поглощалась спереди, без всякой пользы для коня и не утоляя его жажды»). Этот неиссякающий «памятник-фонтан» доставляет немало веселых минут и взрослым и детям. В старинном доме, где родился и умер Мюнхгаузен, хранится множество ценных реликвий. Здесь туристы могут осмотреть подлинную мебель XII—XVIII веков, оружие, принадлежавшее предкам барона — крестоносцам. По главную ценность представляют реликвии — иногда реальные, а нередко и мифические, принадлежавшие самому герою всемирно известной книги: оружие, в том числе и упомянутая ранее турецкая сабля, привезенная бароном из-под Очакова, пенковая трубка и даже... пушечное ядро, на котором он совершил свой незабываемый полет.

Таковы некоторые вехи реальной жизни и «вещественные доказательства» подлинного существования прототипа нашего литературного героя. И все же — кто сделал его таким знаменитым?

РУДОЛЬФ ЭРИХ РАСПЕ ИЛИ ГОТФРИД АВГУСТ БЮРГЕР?

Всемирную славу (хотя и с весьма комическим оттенком) создали барону Мюнхгаузену эти два немецких писателя. Первая и очень скромная публикация в «Путеводителе для веселых людей» восемнадцати коротеньких рассказов, приписанных самому барону, забылась бы, очевидно, очень скоро: о ней знали бы сейчас только специалисты, глубоко занимающиеся историей немецкой литературы XVIII в. К счастью для читателей и явному неудовольствию самого Мюнхгаузена, вскоре нашелся профессиональный писатель, который придал разрозненным анекдотам и небывальщинам, напечатанным в берлинском альманахе, законченную литературную форму. Таким писателем стал Рудольф Эрих Распе (1737—1794).

Жизнь этого человека, несмотря на его «тишайшие», казалось бы, профессиональные занятия (он был знатоком и хранителем античных древностей и старинных книг), полна неожиданных и резких поворотов, приключений, граничащих иногда с авантюрами. Что-то роднит его с известным авантюристом XVIII в., «магом, волшебником и чародеем» графом Калиостро, исколесившим всю Европу (побывал он и при российском дворе) в поисках приключений. Скучные свидетельства современников постоянно подчеркивают «стремительность» походки Распе и всего его облика. В молодости он получил фундаментальную подготовку в различных областях знаний, окончил один из старейших университетов Европы — Геттингенский. Прожив три года в Лейпциге, он возвращается в родной Ганновер, работает там в богатейшей Королевской библиотеке, завязывает знакомства с крупнейшими писателями и учеными своего времени, погружается в мир античной и средневековой культуры. В 1766 г. он перебирается в Кассель, становится приближенным и доверенным лицом ландграфа. Чем только не занимался Распе на протяжении своей жизни!... Он сменил профессии геолога, археолога, библиотекаря, искусствоведа. Постепенно он приобретает широкую известность в ученых и литературных кругах Европы; избирается действительным членом Лондонского королевского общества, выпускает переводы на немецкий язык ряда произведений английской литературы, пробует свои силы в оригинальном литературном творчестве.

ве (многим известны его комедии и роман из эпохи рыцарства).

Однако живая, необычайно подвижная натура Распе, неодолимая страсть к путешествиям и приключениям заставляют его покинуть тихую пристань при дворе касельского ландграфа и пост хранителя богатейшей коллекции древностей (античных монет, медалей и книг). После ряда авантюрных приключений, опутанный долгами и преследуемый кредиторами, Распе в конце 1775 г. тайно бежит в Англию. В литературе о Распе до сих пор довольно оживленно обсуждается вопрос, не прихватил ли он «на прощанье» несколько ценных монет из коллекции ландграфа? Дело это крайне темное и запутанное, прямых доказательств не обнаружено, и в нашей книжке мы касаться его не будем...

Последние двадцать лет жизни Распе проводит в Англии в постоянных скитаниях и поисках заработка. Судьба гонит его из одного города в другой. Время от времени появляются его переводы на английский язык произведений немецких авторов (в частности, он первым перевел ставшую затем классической драму Г. Э. Лессинга «Натан Мудрый»), некоторые научные работы. Но несмотря на свою плодовитость, в истории мировой литературы Р. Э. Распе остался автором лишь одной-единственной книги — «Приключений барона Мюнхгаузена». Именно она вырвала из забвения и имя автора и имя его героя. Скорее всего произошло это так. В поисках литературного заработка Распе обратил внимание на те короткие рассказы-анекдоты, которые были опубликованы в 1781 и 1783 гг. в берлинском «Путеводителе для веселых людей» от имени «господина М-х-з-н-а». Распе отлично знал, кто скрывается под этим именем. Некоторые авторы даже утверждают что Распе *лично* знал Мюнхгаузена, был частым посетителем веселых пирушек в Боденвердере и по свежему следу записывал в свое время рассказы барона. Основательна ли эта версия? Трудно сказать. Немецкие исследователи относятся к ней крайне недоверчиво, ибо никаких авторитетных свидетельств и документов на сей счет не сохранилось.

Распе решает перевести рассказы Мюнхгаузена на английский язык. Он показал их английскому издателю М. Смигу, который нашел их чрезвычайно забавными. Имело смысл рискнуть и М. Смит выпускает их в Оксфорде в 1786 г. Некоторые косвенные данные позволяют

предположить, что книга вышла в конце 1785 г., но на титульном листе выставлен 1786. Вышла она в свет анонимно, как бы от лица самого барона, под названием «Повествование барона Мюнхгаузена о его чудесных путешествиях и походах в России». Так что литературное рождение Мюнхгаузена следует отнести к 1786 г.

Рудольф Эрих Распе вовсе не механически подошел к переводу рассказов из берлинского альманаха — в сущности, он создал новое произведение, написал новую, законченную книгу. Рассказы «господина М-х-з-н-а» послужили ему только канвой, как бы отправной точкой. Во-первых, он написал для своей книги ряд новых историй, связал все новеллы в единое целое. Во-вторых, он существенно изменил и первоначальный замысел произведения и всю его окраску. Под пером Распе непритязательные забавные анекдоты зазвучали совсем по-иному, приобрели сатирическую направленность. Всего в книге опубликовано 27 рассказов (вместо 18, появившихся в альманахе).

Очевидно, она пришлась по нраву английским читателям и вскоре приобрела огромную популярность: только в год своего появления (1786) она выдержала в Оксфорде, а затем в Лондоне шесть различных изданий! Распе постоянно дополнял их новыми новеллами. Так, для второго издания он написал цикл «морских рассказов» Мюнхгаузена. До конца своих дней Распе не выставил своего имени ни на одном английском издании. По-видимому, он не хотел компрометировать себя в глазах ученых собратий, считавших его «серьезным» специалистом и эрудитом в области античного искусства, такой легкомысленной «безделкой», да и опасался должно быть, претензий со стороны Мюнхгаузена и его семьи, благополучно здравствовавших в то время в Боденвердере. Авторство Распе было установлено уже после его смерти. Мог ли он знать, что из всех его сочинений именно эта «пустычная» книжица переживет века и принесет ему славу!..

Небольшая книжечка о приключениях немецкого барона, стоившая всего один шиллинг, была украшена девятью выразительными гравюрами на меди (по некоторым данным, первым иллюстратором ее был немецкий художник Е. Л. Рипенхаузен).

Как и во многих других подобных случаях, книга Распе вовсе не была предназначена для детей. Он счи-

Иллюстрации Е. Л. Рипенхаузена
к первым изданиям книг
о Мюнхгаузене

тал (и не без оснований), что выдумки Мюнхгаузена, доведенные до абсурда, смогут разоблачить и разрушить ложь, царящую в мире, или, во всяком случае, предостеречь от нее излишне доверчивых людей. В предисловии, помещенном в одном из повторных английских изданий, Распе сам раскрывает замысел книги. Сначала он рассыпается в преувеличенно ироничных похвалах самому Мюнхгаузену и всему его роду: «Барон Мюнхгаузен, которому большинство этих рассказов обязаны своим существованием, принадлежит к одному из первых дворянских родов в Германии, подарившему нескольким провинциям

этого государства достойнейших и прославленнейших мужей. Это человек редкого благородства и самого оригинального склада мыслей. Заметив, по-видимому, как трудно подчас бывает втемяшить здравые понятия в бестолковые головы и как легко, с другой стороны, какому-нибудь дерзкому спорщику своим криком оглушить целое общество и заставить его потерять всякое представление о действительности, барон Мюнхгаузен и не пытается в таких случаях возражать. Он умело переводит разговор на безразличные темы, а затем принимается рассказывать о своих путешествиях, походах и забавных приключениях — и все это особенным, ему одному свойственным тоном»¹. Распе говорит затем, что

¹ Здесь и далее цит. по кн.: Бюргер Г. Удивительные приключения барона Мюнхгаузена. Пер. с нем. В. С. Вальдман. Редакция, вступит. статья и примеч. А. В. Амстердама. М., 1961.

тон, избранный Мюнхгаузеном для рассказов, «...оказывается наиболее подходящим, чтобы обличить искусство лжи, или, выражаясь пристойнее, — искусство втирания очков, извлечь его из укромного уголка и выставить на показ перед всеми».

Автор считает, что его книга дает надежное средство защиты против хвастунов и вралей, которых всегда было много. «А такой случай, — пишет он, — всегда может представиться, как только кто-нибудь, под маской правды, с самым серьезным видом начнет преподносить небылицы и, рискуя своей честью, попытается провести за нос тех, кто имеет несчастье оказаться в числе его слушателей. Быстрота, с которой разошлись первые издания этой книжечки, — ее, может быть, следовало бы назвать «*Каратель лжи*» (выделено нами. — А. Б.), — достаточно убедительно доказала, что читатели по достоинству оценили ее моральное значение».

Итак, для автора Мюнхгаузен вовсе не пустой забавник и враль, потешающий публику своими небылицами. Человек эпохи Просвещения, Распе считал, что литература должна нести глубокие нравственные идеи. Насколько верно, так сказать, «адекватно» была воспринята современниками эта книга, смогли ли они понять и уловить подспудный смысл, который автор вложил в нее? Трудно ответить — отклики читателей XVIII столетия не дошли до нас. Во всяком случае, английский рецензент первого издания отметил, что ни в одной книге прежде смешное еще не было доведено до такой степени. Можно предполагать все же, что в основном книга Распе воспринималась как сборник веселых и забавных историй. Лишь немногие, наиболее вдумчивые читатели могли заметить в ней второй план: тонкую пародию на охотничьи и военные рассказы, а также на повествования (часто крайне фантастические) западноевропейских путешественников, посетивших «экзотические» восточные страны. Заметили они, очевидно, что персонаж, выбранный Распе на роль носителя лжи, принадлежит к наиболее реакционному слою германского общества — кругу помещиков-юнкеров. Отметим все-таки, что сатирическое направление книги Распе намечено весьма бегло, лишь едва угадывается.

В том же 1786 г. произошел удивительный и чрезвычайно редкий в истории мировой литературы случай — произведение национальной литературы вернулось на

родную почву в переводе с другого языка. Возвратил Мюнхгаузена на родину выдающийся немецкий поэт-демократ XVIII века Готфрид Август Бюргер (1747—1794).

В своих поэтических произведениях, главным образом в балладах, Бюргер вдохновлялся романтическими образами и идеями народной поэзии; нередко в них звучат обличительные мотивы, направленные против немецких помещиков, высшего духовенства и других «сильных мира сего». Не случайно поэзия Бюргера привлекла к себе пристальное внимание крупнейших русских поэтов начала XIX века. Впервые русский читатель познакомился с ней благодаря В. А. Жуковскому в 1808 г., когда в его переводе появилась одна из лучших баллад Бюргера — «Ленора» (в русском переводе она получила название «Людмила»). А. С. Пушкин высоко ценил «славную Биргерову «Ленору» в другом переводе — П. А. Катенина, показавшем немецкую народную героиню в «энергической красоте ее первобытного создания»¹.

Вполне естественно, что Бюргер, увлеченный стихией народной поэзии, одним из первых обратил внимание на вышедшие в Англии приключения барона Мюнхгаузена, ощутил их национальные корни, уходящие в глубокие пласты немецкого фольклора. Он увидел в них благодарный материал для пропаганды своих эстетических и социальных идей. Он решает перевести книгу на немецкий язык. Основой для него послужило второе английское издание 1786 г. В том же году Бюргер выпускает на немецком языке «Удивительные путешествия, походы и веселые приключения барона Мюнхгаузена на воде и на суше, о которых он обычно рассказывал за бутылкой вина в кругу своих друзей».

Поэт с полным правом отнесся к изданному в Англии тексту приключений как к «своей собственности», объяснив это в предисловии к немецкому изданию так: «Что ни говорите, а странно видеть приведенные ниже рассказы, рожденные на германской почве и в разнообразной форме облетевшие все уголки своего отечества, наконец, собранными и напечатанными за границей. Быть может, Германия и на этот раз оказалась не-

¹ Пушкин А. С. Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. — Полн. собр. соч. в 10-ти т. М.—Л., 1949, с. 7, с. 266.

справедливой к собственным заслугам? Быть может, англичане лучше понимают, что такое юмор, как он ценен и как много чести делает тому, кто им владеет? Короче говоря, мы, невзирая на возможные подвохи наших настороженных писателей, оказались вынужденными ввезти собственную продукцию из-за рубежа». «Мы не сочли, — продолжает далее Бюргер, — столь уж важным педантично придерживаться буквальной точности или отвергать приходящие на ум вставки лишь на том основании, что их не было в оригинале. Одним словом, мы сочли возможным рассматривать эту книжечку... не как доверенное нам имущество, а скорее как свою собственность, которой можно с полным правом распоряжаться по своему усмотрению... Какой бы незначительной и легкомысленной ни выглядела эта книжка, она может оказаться ценнее множества толстых и почтенных томов, не способных вызвать ни смеха, ни слез и содержащих лишь то, что вы уже сотни раз могли прочесть в таких же точно толстых и почтенных томах»¹.

Книга Бюргера вышла в свет в Геттингене, но на титуле ее обозначено вымышленное место издания — Лондон. Эта своеобразная издательская мистификация была предпринята, очевидно, с единственной целью — оградить автора и издателя от претензий реального прототипа — самого барона Мюнхгаузена, который, должно быть, с возрастающим удивлением и неудовольствием следил за тем, как он постепенно превращается в преслабый и не слишком льстящий самолюбию литературный персонаж. Свое имя Бюргер, как и Распе, ни разу не выставил на книге, и авторство его установлено посмертно, лишь в XIX веке.

Что же все-таки дало Бюргеру основание считать приключения Мюнхгаузена «своей собственностью»? И что позволяет нам утверждать, что он полноправный автор всемирно известной книги о Мюнхгаузене, а не переводчик? Заметим прежде всего, что в XVIII столетии авторское право понималось весьма своеобразно: в литературе того времени мы находим множество произведений, написанных различными авторами на одни

¹ Отметим здесь любопытную перекличку со словами русского поэта, сказанными, правда, много позже и по другому поводу: «Вот эта книжка небольшая томов премногих тяжелых» (из стихотворения А. А. Фета «Надпись на книге Тютчева»).

и те же сюжеты. И в нашем случае мы сталкиваемся с так называемым мировым «бродячим сюжетом» — небывальщинами и побасенками завзятого, убежденного лгуна. Напомним, что в Англии книга вышла анонимно, и Бюргер с полным основанием мог отнести к ней как к произведению немецкого *народного* юмора. Так же, как Распе на основе текста «Путеводителя для веселых людей» создал свое, оригинальное произведение, так годом позже Бюргер, воспользовавшись английским изданием, написал новую книгу о Мюнхгаузене, существенно трансформировав его образ. Он создал произведение немецкой национальной литературы, изменив его и стилистически, и идейно. Как и Распе, Бюргер не был лично знаком с прототипом своей книги. К области курьезов относится утверждение автора небольшой заметки, опубликованной в журнале «Печатное искусство» в 1902 г. (№ 7—8): «Приехав на купанья в Пирмонт, он (Мюнхгаузен) нашел внимательного слушателя в поэте Бюргере, который записал рассказы барона и с некоторыми дополнениями издал их».

Довольно много рассказов написано Бюргером специально для немецкого издания: об охоте на уток, полете на пушечном ядре, прыжке барона сквозь карету, о том, как он вытащил себя за косичку из болота и ряд других. В «Морских приключениях» впервые вводится рассказ о кучере, который выбивал кнутом вензель английского короля, о пьянице-генерале и т. д. Через два года (в 1788 г.) Бюргер выпускает расширенное издание приключений: в него вошло еще семь рассказов. Но дело не только в этих добавлениях, хотя и очень существенных. Под пером Бюргера приключения Мюнхгаузена превратились в остросатирическое социальное произведение. Конечно, это не едкая сатира Джонатана Свифта с ее глубоким философским смыслом — главное место в книге по-прежнему принадлежит стихии народного юмора, — но отдельные новеллы, вставки и комментарии Бюргера содержат весьма ощутимый социальный заряд. Часть их написана на злобу дня и сейчас мало понятна современному читателю, зато многие ее страницы не устарели и в наши дни.

Ирония Бюргера обрушивается прежде всего на реакционное немецкое дворянство, которое он называет не иначе, как «лошадниками», «охотниками и собачниками благородного происхождения», «собачьими юнке-

рами». Сам герой книги всячески отрешивается от такого наименования, но его «подвиги» и сам стиль рассказов лишь подчеркивают, что сам он недалеко ушел от них. Он с упоением рассказывает о своих охотничьих и военных подвигах. Автор использует оригинальный художественный прием, сделав своего героя одновременно и объектом сатиры и «разоблачителем»; хотя сам рассказ ведется от имени Мюнхгаузена, за его спиной стоит лукаво усмехающийся автор, приглашающий читателя посмеяться и над бароном, и над его рассказами. Бюргер мастерски показывает в нем надутого и спесивого немецкого юнкера, смеется и издевается над ним. Барон так гордится своими «благородными» предками, что даже унаследованная от них массивная задняя часть, с помощью которой он закрыл огромную пробоину в корабле, расценивается им как некий «аристократический атрибут».

В бюргеровском тексте можно найти иронические характеристики монархов, острые выпады против тирании и тиранов. Рассказывая о штурме Очакова, Мюнхгаузен говорит, что слава всегда достается предводителям и часто — совершенно необоснованно. Еще более противоестественным кажется автору то, что «...слава становится достоянием королей и королев, никогда не нюхавших пороха, разве только на увеселительных празднествах, и не видевших в глаза ни бранного поля, ни армии в боевом порядке, если не считать парадов». Это сравнительно невинный выпад. Еще ярче сатирический талант Бюргера и его демократизм воплотились в эпизодах из «Первого морского путешествия». Жизнь народа вымышленного острова, затерянного в южных морях, разительно напоминает порядки тогдашней Германии: жестокая тирания, унижение и грабеж народа, насильственная продажа солдат-наемников в другие страны и т. д. На ничтожного «царька», владеющего островом, во время бури рухнуло дерево и, добавляет автор, «к счастью, убило царька наповал. К счастью? Да, да, к счастью! Ибо, милостивые государи, этот царек был, с позволения сказать, самым гнусным тираном, а жители острова... — самыми несчастными созданиями под луной». «Нам рассказывали, — иронически замечает Бюргер, — что такие возмутительные принципы он привез из поездки на Север. Мы не решились, несмотря на самый горячий патриотизм, оспаривать подобное мнение

уже по одному тому, что у этих островитян «путешествие на Север» может с таким же успехом означать как поездку на Канарские острова, так и увеселительное путешествие в Гренландию. Требовать уточнения мы по ряду причин сочли нежелательным». Очевидно, под «Севером» следует понимать современную Бюргеру Германию, но поэт сознательно затемняет эту проекцию, опасаясь, вполне резонно, что местные «царьки» не простят такого выпада. Мюнхгаузен и в других новеллах не упускает случая с гордостью заметить, что он всегда относился с презрением к сану монарха; в «Восьмом морском приключении» он гордо отказывается от домогательств русской императрицы, пожелавшей «разделить с ним ложе и корону».

Воспитанный на идеях французского Просвещения, Бюргер, по-видимому, под влиянием сатирических антирелигиозных книг Поля Гольбаха и других атеистов не упускает случая высказать свое отношение к церкви и религии. Еще в самом начале своих путешествий, на пути в Петербург, барон совершает добрый поступок, спасая бедного замерзающего старика. Вслед за тем с неба раздался голос самого «бога»: «Черт меня побери, сын мой, тебе за это воздастся!» В рассказе Мюнхгаузена об олене, между рогами которого он так ловко посадил вишневое дерево, вставлено любопытное авторское замечание. «Можно ли теперь поручиться, что какой-нибудь святой, страстный любитель охоты, священник или епископ, не воздвигнул подобным же образом с помощью выстрела крест между рогами оленя святого Губерта? Ведь эти господа издавна славились умением наставлять кресты... да и рога тоже, и пожалуй, сохранили за собой славу до наших дней». Так одним махом Бюргер высмеивает и распространенную церковную легенду о святом Губерте и нравы самих церковников.

Примечателен эпизод, посвященный пяти «молодцам», выходцам из народной среды, которые помогли Мюнхгаузену выиграть спор у турецкого султана и посрамить последнего. Здесь сказался подлинный демократизм Бюргера, верившего в неиссякаемые силы народа, его сметку и талант. Поэт противопоставляет народ разжиревшим бездельникам-аристократам. В этом он следует традициям и духу немецких народных сказок: так, в частности, сюжет одной из них («Шестеро весь свет

обойдут», позже обработанной братьями Гримм) прямо перекликается с текстом приключений Мюнхгаузена.

Распе, а затем Бюргер вообще очень широко использовали немецкий и мировой фольклор¹. Их Мюнхгаузен восходит к героям немецких сатирических книг, в которых часто выводится образ хвастуна и лжеца. Отчасти они использовали и такие знаменитые народные книги, как «Тиль Эйленшпигель», «Шильдбюргеры», сборник шванков и фацевий — небольших рассказов-анекдотов, часто повествующих о совершенно невероятных происшествиях. В одной из ранних работ Ф. Энгельса — статье «Народные книги» — высоко оценены такие сборники: «У немногих народов, — писал Энгельс, — можно встретить такую коллекцию. Это остроумие, эта естественность замысла и исполнения, добродушный юмор, всегда сопровождающий едкую насмешку, чтобы она не стала слишком злой, поразительная комичность положений — все это, по правде сказать, могло бы заткнуть за пояс значительную часть нашей литературы»². Фольклорные истоки приключений Мюнхгаузена можно проиллюстрировать хотя бы следующим примером. Тиль Эйленшпигель кормит хозяйских кур кусочками хлеба, нанизанными на веревку, — и куры оказались связанными друг с другом. Мюнхгаузен таким же способом, только с помощью сала, нанизывает «подобно кораллам» уток, которые, взлетев, благополучно доставляют его домой.

Другими источниками для наших авторов послужили многочисленные описания охотничьих и военных подвигов, а также рассказы морских путешественников, часто отличавшиеся крайним неправдоподобием. Авторы очень тонко и каждый на свой лад обыгрывают эти рассказы «бывалых людей» — перед нами талантливая пародия на них.

Хотя сатирическая струя, внесенная Бюргером, весьма сильна в книге, главное место в ней все же занимает безудержная стихия народного юмора и веселья. Не следует, с одной стороны, чересчур «осерьезнивать» эту книгу, а с другой — сводить ее только к забавной игре ума, плоду свободной фантазии, «бурлеску» в «стиле рококо», как это делали в своих обширных и очень доб-

¹ Подробнее о фольклорных истоках образа Мюнхгаузена см. вступительную статью А. В. Амстердама в указанном выше издании книги Бюргера.

² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 348.

ротных трудах западногерманские исследователи В. Швейцер и Е. Вакерман, совершенно упуская сатирическую и обличительную направленность.

С неподражаемой легкостью и остроумием рассказывает Мюнхгаузен свои истории. Многие из них совершенно очаровательны и представляют собой подлинные блестящие мировой юмористики: история с неожиданно взбесившейся шубой или с борзой, которая бегала так быстро и подолгу, что стерла себе лапы «почти по самое брюхо» — вот почему под конец ее жизни барон Мюнхгаузен мог «пользоваться» своей собакой только как таксой. Не менее забавен рассказ о том, как герой сам себя вытащил из болота за косичку, да и мало ли других эпизодов до сих пор веселят не только детей, но и взрослых читателей. Любопытен рассказ о том, как барону удалось добраться до Луны и спуститься обратно на Землю (здесь явно пародируется книга о путешествии на Луну Сирано де Бержерака, вышедшая в XVII веке).

До сих пор еще не решен вопрос: кого же все-таки следует считать истинным автором «Приключений Мюнхгаузена»? Авторство первого, скрывшего свое имя публикатора нескольких рассказов в «Путеводителе для веселых людей», следует отметить сразу: он опубликовал сырой исходный материал. На протяжении почти уж двух веков приключения барона издаются то под именем Распе, то Бюргера, а часто — и вообще без указания автора. В «Указателе переводов» ЮНЕСКО, ежегодно издающемся в Париже, также заметен разноречивый: в алфавитном списке книги о Мюнхгаузене зарегистрированы в самых различных местах алфавитного ряда, нередко — просто под именем героя. На наш взгляд, авторские лавры следует поделить поровну между Распе и Бюргером. Правильно поступают те переводчики и книгоиздатели, которые, предназначая книгу детям, в основном черпают материал из английского первого издания и выставляют на первом листе имя Рудольфа Эриха Распе. «Серьезные» же, полные издания книги должны выходить под именем Готфрида Августа Бюргера. К такой практике совершенно справедливо и перешли советские издатели и переводчики приключений Мюнхгаузена.

Полное издание книги композиционно делится на три неравные части. В первой — от лица Мюнхгаузена

повествуется о путешествии в Россию, о различных охотничьих и военных его приключениях. Вторая — это десять «Приключений на море» (и два путешествия Мюнхгаузена на Луну). Третья, очень небольшая, состоит из рассказов о путешествии в недра Земли и некоторых других. Невольно напрашивается аналогия с куклами-матрешками: внутри книги Бюргера — английский текст Распе, а внутри последнего — публикация «Путеводителя для веселых людей». Однако такая аналогия была бы поверхностной, она не отражает сути дела, ибо каждый автор внес в свою часть свою проблематику, пристрастия и антипатии, окрасил ее неповторимыми особенностями своего дарования. Наиболее законченный и цельный — несомненно, вариант Бюргера.

И в то же время приключения Мюнхгаузена — подлинно народная книга. Это и обеспечило ей огромную популярность во всем мире и долгую жизнь, несмотря на изменения литературных вкусов. На первых порах особое распространение книга о Мюнхгаузене получила в самой Германии: до конца XVIII в. она выдержала свыше десятка изданий, основу которых составлял текст Бюргера. Обычно книга выходила в свет компактным томиком с девятью офортами Е. Л. Рипенхаузена, заимствованными из первого лондонского издания.

Как же воспринял реальный барон Карл Иероним Мюнхгаузен свою постоянно, год от года возрастающую «славу» и популярность (напомним читателю, что он умер спустя одиннадцать лет после выхода в свет первого издания книги о нем)? Полагаем, весьма и весьма болезненно... Да и то сказать, кому же такое придется по нраву? Состоятельный помещик, аристократ... и вдруг такой шум вокруг его имени! Барон был полностью скандализован. По некоторым, надо сказать, не очень авторитетным свидетельствам, барон якобы получал массу писем от читателей книги, в его имение в Боденвердер стекались толпы «паломников», жаждавших увидеть «живого» литературного героя; чтоб оградить себя от непрошенных гостей, барон завел усиленный патруль, хотел даже подать в суд, но на кого?.. Имени истинного автора на книге нет, на титульном листе выставлено вымышленное место издания — Лондон (как видим, Бюргер поступил весьма предусмотрительно). Барон был в полной растерянности... Так ли это происходило на самом деле? Документы на сей счет молчат,

но, судя по всему, так быть могло. С бароном Мюнхгаузеном приключился редчайший в истории мировой литературы случай — реальная личность стала литературным персонажем еще при жизни, причем под собственным именем. Иначе вряд ли сейчас кто-нибудь знал имя владельца Боденвердера.

На этом мы простимся с реальным Мюнхгаузеном и продолжим наш рассказ о книгах с его приключениями. Они сразу же привлекли к себе внимание в различных странах Европы. В Англии, после шестого издания 1786 г., они появились в следующем году под новым и примечательным заглавием — «Оживший Гулливер». Преемственность двух героев, указанная в заголовке, не совсем верна; издатели хотели подчеркнуть отнюдь не родственность их, а приключенческий характер книги о Мюнхгаузене. Для английского читателя XVIII в. имя Гулливера стало как бы символом путешественника в необычные и фантастические страны, и английские издатели ловко использовали его имя для рекламы. Под этим заглавием приключения Мюнхгаузена и выходили в Англии до самого конца XVIII в., позже они снова обрели свое прежнее название.

Французский читатель познакомился с книгой и ее героем в 1787 г., когда в переводе с английского вышел роман «Оживший Гулливер, или Необыкновенные путешествия, походы и приключения барона Муникхоузена» (в дальнейших изданиях имя его печаталось правильно). В основу перевода был положен текст Распе; с бюргеровским вариантом Франция познакомилась лишь в 40-х годах XIX в.

До конца XVIII в. Мюнхгаузен «путешествует» преимущественно по северу Европы (Дания, Швеция, Голландия) и издается там на национальных языках. На юг континента (в Италию, Испанию) он попадает сравнительно поздно — к середине XIX в., но сразу же завоевывает огромную популярность.

Все возраставшему успеху книги очень способствовали иллюстрации талантливых художников. В 1809 г. крупный английский график Томас Роулэндсон создал целую сюиту рисунков на мюнхгаузеновскую тему. Его рисунки перепечатывались затем во многих европейских изданиях. Но особую славу принес Мюнхгаузену

великий французский художник Гюстав Доре, блистательно воплотивший в гравюрах на дереве образ Мюнхгаузена. Впервые иллюстрации Г. Доре появились в 1853 г., и с тех пор они пользуются мировым признанием. Это лучшие, до сих пор непревзойденные иллюстрации к Мюнхгаузену, полные искрящегося юмора, тонкой иронии, чрезвычайно органично связанные с текстом, гармонирующие с ним. Не случайно и в наши дни издатели охотно помещают рисунки Доре в книгах о Мюнхгаузене. Во второй половине XIX в. интерес к нашему герою проявили

Таким представил Мюнхгаузена
английский
художник А. Кроуквил

и такие крупные английские художники, как А. Кроуквил и А. Крукшенк (знаменитый иллюстратор Диккенса). Мюнхгаузеновскую тему активно разрабатывают и современные художники различных стран.

Число книг о Мюнхгаузене, вышедших в мире почти за два столетия, не поддается сколько-нибудь полному учету, ибо очень часто они выходят без указания автора, снабжаются произвольными, далекими от оригинала заглавиями и т. д. Некоторое представление, хотя и неполное, дает библиография «Мюнхгаузена», составленная Е. Вакерманом в 1969 г.¹ По его данным, до 1969 г. только на немецком языке вышло около 300 изданий, включая переделки, адаптации и романы, написанные по мотивам книги о Мюнхгаузене. Второе место по числу изданий занимает Англия — около 150 книг; в других странах их было значительно меньше. Немецкий библиограф, очевидно, не располагал доста-

¹ Wackerman E. Münchhausiana. Stuttgart, 1969, s. 87—207.

точными сведениями о переводах и изданиях книги в нашей стране; он указывает всего 3 (1) случайные книги на русском языке, пропуская при этом самые существенные переводы. По нашим подсчетам, начиная с 1791 г., т. е. со времени первого издания книги на русском языке, вышло 70 книг о Мюнхгаузене; после Германии и Англии наша страна, таким образом, занимает третье место в мире по числу изданий книги о знаменитом литературном герое.

И в наши дни не угасает интерес к Мюнхгаузену. Книга о бароне переведена почти на все языки мира, выходит многочисленными изданиями в самых разных странах, на всех континентах. Упомянутый выше «Указатель переводов», выпускаемый ЮНЕСКО, ежегодно регистрирует книги о Мюнхгаузене, появляющиеся в Японии, Латинской Америке, Африке, Австралии, не говоря уже о странах Европы. В основном они выходят в переводах с английского издания книги Распе; текст Бюргера печатается сравнительно редко. Это и понятно, если учесть, что львиная доля изданий предназначается для детей. Книга о Мюнхгаузене и его приключениях стала действительно общемировым достоянием.

«МЮНХГАУЗИАДЫ»

Успех Мюнхгаузена вызвал множество переделок, подражаний и вариаций на эту тему. Условно все издания, посвященные Мюнхгаузену, можно разделить на три группы: 1) книги, содержащие точный и полный текст английского (Распе) или немецкого (Бюргер) издания приключений; 2) свободные переделки, адаптации, сокращения, следующие за текстом оригинала лишь сюжетно, а не дословно; 3) вариации на мюнхгаузеновскую тему, «продолжения» и подражания, отходящие, нередко очень далеко, и от подлинного текста, и от сюжета. Последняя группа, насчитывающая сотни различных книг на самых разных языках, получила название «мюнхгаузиады». Этот термин, отразивший реальную литературную практику, встречается впервые уже в 1827 г. в известном «Лексиконе Брокгауза».

Появление многочисленных «мюнхгаузиад» было вызвано различными причинами. Одна из них — та, что долгое время книги о Мюнхгаузене издавались *аноним-*

но. Барон Мюнхгаузен превратился в своеобразный фольклорный образ. Этот сюжет стал как бы «ничейной землей» или, вернее, всеобщим достоянием, которое можно использовать по своему усмотрению и для своих целей. В фольклоре каждого народа непременно встречается образ лжеца и обманщика, а поэтому образ Мюнхгаузена зачастую причудливо трансформируется, окрашивается национальными чертами.

Первой «мюнхгаузиадой» следует считать книгу французского писателя Колена д'Арлевиля «Господин де Крак», вышедшую в 1791 г., спустя пять лет после книги Распе. Герой этого романа — болтливый и хвастливый гасконец барон де Крак, рассказывающий о своих необычайных подвигах. Перед нами французский вариант Мюнхгаузена. Пылкий француз, конечно, отличался от своего немецкого собрата, но ясно, что писатель вдохновлялся образом Мюнхгаузена: сюжеты ряда историй очень близки. Через несколько лет немецкий писатель Шнорр пишет «Продолжение приключений Мюнхгаузена», но его пухлые романы, вышедшие в 1795—1800 гг., успеха не имели и сейчас прочно и вполне заслуженно забыты. Более удачными были романы-мистификации немецкого писателя и художника Иоганна Лизера. Он выпустил три романа (в 1833, 1840 и 1861 гг.) под названием «Жизнь и приключения г-на Мюнхгаузена, истинно рассказанные его племянником». Это умная и тонкая пародия на приключения барона. И. Лизер приписал авторство мифическому Виктору Савелло и выпускал свои романы под видом «перевода с французского».

Однако наибольшую известность получила «мюнхгаузиада» крупного немецкого писателя-романиста Карла Иммермана (1794—1840), принадлежавшего к литературному течению «Молодая Германия». Его двухтомный роман «Мюнхгаузен», вышедший впервые в 1835—1839 гг., представляет интерес до сих пор (на русском языке он был выпущен издательством «Academia» в 1931 г.). Пародируя литературные приемы и стиль XVIII в., Иммерман переосмысливает образ Мюнхгаузена. Герой романа — внук барона, который унаследовал от деда склонность к мистификациям и лжи. Немецкий писатель использовал форму «мюнхгаузиады» для сатиры на современное ему общество, показав ломку старых устоев, вырождение дворянства.

Прошлое и настоящее причудливо переплетается в романе. В мрачных тонах рисует Иммерман капитализм, идущий на смену феодальному строю Германии. Буржуазное общество сплошь состоит из темных мошенников и лгунов, наступает, как выразился писатель, «торжество жестокого талера». Все симпатии Иммермана отданы крестьянству, изображенному, надо сказать, в патриархальных тонах и очень слащаво.

В дальнейшем — во второй половине XIX — начале XX в. — можно найти немало романов, повестей и рассказов, написанных по мотивам книги о Мюнхгаузене, но сегодня они представляют специальный, чисто исторический интерес. В новейшей литературе нередко появляются произведения, навеянные образом барона, обычно героям их присущи национальные черты. Так, переводчик рассказа известного современного бразильского писателя Рамоса Грасилиано «Пегая кобыла»¹ очень точно озаглавил свою вступительную заметку: «Мюнхгаузен из Сертаны». Рассказ взят из книги Грасилиано «Правдивые истории, рассказанные сеньором Алешандро»; герой ее — старый крестьянин, лукаво повествующий о всевозможных небывалых историях.

Сравнительно недавно появился и «космический Мюнхгаузен», обыгрывающий и пародирующий приемы современной научной фантастики. В такой роли выступает главный герой книги Станислава Лема «Звездные дневники Ийона Тихого». Некоторые из его рассказов прямо перекликаются с приключениями барона Мюнхгаузена (например — о космическом животном «курдле», величиной в три гектара, охотиться на которого следует «изнутри»). Как говорится, «жив, жив курилка»: только теперь он пользуется космическими кораблями, электронной аппаратурой и сложной терминологией. Мюнхгаузен действительно принадлежит к вечным героям литературы.

Широко вошел этот образ в различные области искусства — в живопись, графику, музыку, театр, кино. Уже в XIX в. появляются оперы и оперетты на мюнхгаузеновскую тему. Название одной из музыкальных комедий пародировало знаменитое донесение Цезаря римскому сенату: «Пришел, увидел и соврал». Позднее

¹ Грасилиано Р. Пегая кобыла. Перевод и вступит. статья В. Соболева. — «Вокруг света», 1968, № 7, с. 77—80.

к нашему герою неоднократно обращался кинематограф. Правда, если не считать мультипликационного фильма крупнейшего американского режиссера Уолта Диснея, значительных лент на этот сюжет создано не было. В своей книге «Мюнхгаузен и мюнхгаузиады» немецкий исследователь В. Швейцер рассказывает о примечательной истории одной попытки создания фильма на эту же тему. Произошло это в 1943 г., когда исход войны фактически был уже предрешен и фашистские войска терпели одно сокрушительное поражение за другим. Именно тогда министр пропаганды гитлеровского рейха Геббельс приказал выдать огромную денежную субсидию на постановку фильма «всех времен и народов», супербоевика «Барон Мюнхгаузен». Для фильма был быстро состряпан сценарий — настоящая «развесистая клюква». Храбрый и предприимчивый немецкий офицер, «ариец-сверхчеловек», становясь фаворитом императрицы, чуть ли не вершит всеми делами русского государства конца XVIII века (вспомним, что в свое время «подлиный» барон Мюнхгаузен с презрением отказался от роли «наследника престола»). Фильм был поставлен режиссером И. Баки, на главную роль был приглашен крупный актер Ханс Альберс. Из европейских музеев для участников фильма были доставлены подлинные костюмы XVIII в. и, поскольку некоторые сцены происходили в Венеции, резные гондолы того же времени. Главная цель этой дорогостоящей акции фашистской пропаганды состояла в том, чтобы показать миру, насколько еще «сильна и могущественна» Германия, позволяющая себе такую роскошь в дни войны. Фильм был поставлен, но успеха не имел и вскоре сошел с экрана.

Наиболее удачными экранизациями являлись упомянутый выше мультипликационный фильм Диснея и лента чехословацкого режиссера Карела Земана «Барон Мюнхгаузен», выпущенная в 1959 г.

Итак, образ Мюнхгаузена уже почти два века привлекает к себе пристальное внимание деятелей литературы и искусства.

Мы рассказали читателю о создателях книги, ее сложной и не совсем обычной судьбе в странах Западной Европы. Перенесемся же теперь в дореволюционную Россию и посмотрим, как она встретила рассказы о приключениях Мюнхгаузена.

БАРОН МЮНХГАУЗЕН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РОССИЮ

Карл Иероним Мюнхгаузен второй раз посетил Россию спустя 41 год после того, как покинул ее. Правда, на сей раз он въехал в столичный город Санкт-Петербург не в санях, запряженных волком, как он рассказывал сам, и не в эскорте герцога Брауншвейгского, как это было на самом деле, а, как и полагается приличному литературному персонажу, — на страницах книги.

Русское общество внимательно следило за европейской литературой: многие произведения (особенно французские) выходили спустя год-другой после того, как появлялись на родине.

Книга о Мюнхгаузене вышла в русском переводе довольно быстро и гораздо раньше, чем в ряде других европейских стран. Когда же именно она появилась?

«НЕ ЛЮБО, НЕ СЛУШАЙ, А ЛГАТЬ НЕ МЕШАЙ»

Под таким названием, весьма вольным, как легко можно заметить, появился впервые в нашей стране перевод приключений Мюнхгаузена. На титульном листе книги, кроме заглавия, значится: «В Санкт-Петербурге, печатано у И. К. Шнора в нынешнем году». Известный книгоиздатель XVIII в. Шнор скрыл год издания книги (тогда еще цензура относилась к таким проделкам снисходительно). Он употребил довольно характерную для того времени издательскую уловку ради лучшей распродажи книги: издание, на котором вместо определенного года выхода выставлялась юмористическая пометка «в нынешнем году», всегда выглядело «новинкой».

Такой камуфляж и привел к тому, что вплоть до последнего времени книга датировалась произвольно и очень неточно. Так, например, В. С. Сопиков, «отец русской библиографии», как его иногда называют, в своем знаменитом труде «Опыт российской библиографии» (Спб., 1815, т. 3, № 6821) отнес ее к 1798 г. Эта ошибка механически переходила из одного библиографического труда в другой. Лишь недавно составителям пятитомного «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» удалось доказать, что первое издание книги о Мюнхгаузене вышло несколькими годами раньше. Они проанализировали водяные знаки на бумаге (так называемые филигрны) и убедились, что она была изготовлена в 1791 г. Это и позволило им утверждать, что во-первых, книга напечатана не ранее 1791 г. и, во-вторых, что она скорее всего вышла в 1791—1792 гг. (заметим все же, что бывали случаи, когда книги печатались на бумаге, изготовленной за много лет до выхода издания). Но составители «Сводного каталога» оказались правы. Их гипотезу подтверждает обнаруженный недавно архивный документ — «Настольный журнал 1791 года», который вел известный писатель и мемуарист XVIII в., друг Н. И. Новикова А. Т. Болотов. 14 сентября 1791 г., находясь в городе Богородицке Тульской губернии, Болотов внес в свой «Настольный журнал» запись о том, что он «читал „Не любо, не слушай” и писал на нее критику»¹. В рукописном каталоге его библиотеки, приложенном к журналу, эта книга зарегистрирована под № 145. Теперь можно твердо и окончательно датировать выход первого русского перевода приключений Мюнхгаузена 1791 годом, скорее всего первой его половиной. «Критика», которую писал А. Т. Болотов, т. е. рецензия на книгу, к сожалению, до сих пор не обнаружена. Она могла бы, очевидно, дать представление о том, как откликнулись первые русские читатели на книгу о бароне Мюнхгаузене и его приключениях.

В основу весьма вольного перевода, скорее переделки книги, был положен текст Бюргера. Имя переводчи-

¹ «Настольный журнал» А. Т. Болотова хранится в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР (текущие поступления, № 1119, л. 41 об.). Эти сведения любезно сообщил нам научный сотрудник библиотеки И. Ф. Мартынов.

Титульный лист
первого издания «Приключений»
на русском языке

вода книги поэта А. Блумауэра «Приключения благочестивого героя Энея», вышедшей в России под названием «Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку» (позже она превратится в знаменитую «Энеиду» классика украинской литературы И. П. Котляревского). Как видим, явная склонность к различным «перелицовкам», забавным приключениям и небывальщинам закономерно привела Осипова к приключениям барона Мюнхгаузена, популярность которых в Западной Европе возрастала из года в год.

Книга «Не люблю, не слушаю, а лгать не мешай» — вольная обработка текста Бюргера. Открывает ее «Посвящение 32 азбучным буквам» — настоящий панегирик печатному слову. Осипов посвящает свой перевод не какой-либо «высокой особе», как было принято в то время, а буквам — «сильным, удивительным, великим и преполезным чадам человеческого остроумия». «Вы производите, — говорит о них Осипов, — всяческие дела на нашем земном шаре; руководствуете разумом и рас-

ка долгое время оставалось неизвестным. Как выяснилось позже, им оказался Н. П. Осипов (1751—1799), плодовитый автор и переводчик XVIII в.: ему принадлежали занимательные пособия по домоводству, коневодству и даже кулинарии. В конце своей жизни он издавал юмористический журнал. «Что-нибудь от безделья на досуге» (1798). Наибольшую известность принесли Осипову его многочисленные переводы. Он был одним из первых переводчиков «Дон Кихота» и других крупнейших произведений мировой литературы, автором вольного пере-

судком, служите твердою опорой и неразрушаемым хранилищем нашей памяти». Однако переводчик вовсе не преклоняется перед листом печатной бумаги, прекрасно понимая, что печатное слово несет с собой не только одни благодеяния: «Без Вашей (букв) помощи, — пишет он, — никакая истина изобразиться не может, равным образом и всякая ложь Вам обязана, если не рождением, то по крайней мере существованием. Вы производите вражды, споры, основываете, восстанавливаете, низвергаете и разрушаете многие государства; Вами предписываются положительные законы честности и добродетели; от Вас также проистекают несчетные источники пороков и злодеяний».

Осипов довольно свободно распоряжается текстом: опускает отдельные новеллы, кое-что вставляет от себя и т. д. Он выбрал не самое лучшее время для перевода и издания книги, выдержанной в ироническом ключе и полной нападок на тиранию. Екатерина II, напуганная событиями Великой французской революции, обрушивается на печатное слово. Незадолго до того произошла трагическая история с А. Н. Радищевым и его знаменитой книгой, над крупнейшим русским издателем-просветителем Н. И. Новиковым собираются грозные тучи... Опасаясь неминуемых грядущих неприятностей, Осипов опустил в своем переводе некоторые особо «опасные» места и ни словом не обмолвился о том, что многие приключения Мюнхгаузена связаны с Россией эпохи 30—40-х годов XVIII в. Рассказывая, например, о том, как Мюнхгаузен спас замерзающего старика, русский переводчик вместо бюргеровской фразы «Черт меня побери, сын мой, тебе за это воздастся!» помещает нравоучительное двестишие, произнесенное «голосом с небес».

Не плачь и не тужи, не бойсь и не робей,
Ты будешь награжден, надежду в том имей.

Итак, с 1791 г. начинается второе, на сей раз «книжное» путешествие Мюнхгаузена по России. Хотя до нас и не дошли читательские отклики на первое издание книги, судя по некоторым данным, она привлекла внимание русских читателей. Очевидно, тираж книги разошелся полностью и, по тем временам, очень быстро. Через шесть лет выходит в свет второе ее изда-

ние, на этот раз «иждивением И. Глазунова», основателя крупнейшей издательской фирмы в России. И снова на титульном листе книги вместо года ее издания — прежняя лукавая пометка: «печатано в нынешнем году». И все-таки книгу легко датировать — на ней выставлена точная дата цензурного разрешения — «20 ноября 1797 года».

Эта книга несколько отличается от первого ее издания: имеется ряд разночтений, кое-где выправлен стиль, появились новые эпизоды. Кроме того, это первое иллюстрированное издание книги о Мюнхгаузене в России, она украшена несколькими гравюрами, точно повторяющими иллюстрации Рипенхаузена к первым английским изданиям книги Рудольфа Распе. Встречаются и оригинальные дополнения к ним. Так, на одной из гравюр изображен некий мифический город, дома которого напоминают то готические замки, то китайские пагоды, а внизу рисунка помещена надпись отечественного происхождения: «Речка Хвастунишка. Село Вралиха».

К тексту первого издания даны два приложения: «Прибавки к вышеописанным несбыточным правдам» и «Еще барышок. Что не долгано, то надобно добавить новым полыганьем». В них Н. П. Осипов выступает уже как вполне самостоятельный, оригинальный автор, лишь «отталкиваясь» от текста Бюргера. Обличительные склонности русского автора явственно заметны в этих дополнениях, причем действие рассказов перенесено на русскую почву. Он рассказывает о детстве и юношеских годах своего героя — типичного дворянского недоросля, растущего среди крепостных крестьян и борзых собак. «Чем больше я,— вспоминает герой Осипова,— резвился с борзыми и лягавыми собаками, чем больше дразнил и бил крестьянских ребят, тем больше получал от матери вкусных сладостей, отцу же моему делался от часу милее. Мне было от роду 9 лет; и при таком моем малолетстве думал я, что дворянин есть от прочих людей совсем отличное творение... В сем правиле заключались все мои мысли, с которыми я взрос и вошел в современные годы. Я гремел в карманах деньгами, когда у других не было ни копейки; я дрался, а другие должны были сносить терпеливо; я приказывал, и мне повиновались. Я сердился, и все дрожали». Типичный Митрофанушка, он с удовольстви-

ем рассказывает о своей войне с приставленными к нему учителями, один из которых был сапожником. Здесь — прямая переключка с «Недорослем» Д. И. Фонвизина. Эта страница в истории русской демократической литературы XVIII в. далеко выходит за пределы чисто «мюнхгаузенской темы» и заслуживает, несомненно, внимания.

В дальнейшем, вплоть до середины XIX в., фирма Глазуновых еще шесть раз выпускала рассказы Мюнхгаузена под названием «Не любо, не слушай...», причем все архаизмы и вольности перевода Осипова сохранялись в изданиях полностью. Подлинное название приключений впервые появляется лишь в 60-е годы.

Любопытнейший и редчайший образчик проникновения образа Мюнхгаузена в народную сатиру представляет лубочная картинка «Наполеон и Мюнхгаузен», напечатанная в 1813 г.¹ Известно, что патриотический подъем, вызванный событиями Отечественной войны 1812 г., нашел широкое отражение в творчестве русских художников (особенно А. Г. Венецианова и И. И. Тербенева), создавших ряд превосходных лубков-карикатур, высмеивающих Наполеона и его армию, прославляющих подвиг народа. Картинка «Наполеон и Мюнхгаузен» — плод творчества безвестного художника из народа, типичный образец лубочной продукции того времени. Она помещена в «Атласе» — приложении к известному труду Д. А. Ровинского «Русские народные картинки» (Спб., 1881, т. 2 (514)). Карикатура имеет характерный подзаголовок, ясно указывающий на непосредственную связь ее с выходившими в то время вольными переводами книги о Мюнхгаузене — «Не любо, не слушай, а лгать не мешай». На левой стороне картинка изображен Наполеон, сидящий на троне и обращающийся с речью к благоговейно внимающим ему сановникам и дипломатам: «Победителем прошел я Россию, где все сердца навстречу мне летели. Бессмертную славою увенчанный, возвращаюсь к обожающему меня народу моему, который из правдивых бюллетеней моих знает уже все геройские подвиги мои и большой Армии моей». Сановники: «Ура, Наполеон непобедимый!»

¹ Как нам удалось установить, картинка была разрешена цензурой 18 февраля 1813 г. См. ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, 1813 г., д. 165, л. 24. Донесение цензора Тимковского.

Но другая группа собравшихся людей обращает свои взоры к странной фигуре, закутанной в саван, — призраку Мюнхгаузена, рядом с которым изображен малолетний сын Наполеона, внимательно рассматривающий книжку с картинками под названием «Жизнь и деяния барона Мюнхгаузена». Сам Мюнхгаузен иронически комментирует речь Наполеона: «Исчезла древняя слава моя пред великим сим Героем! К стопам Его повергаю слабые опыты того искусства, коим некогда прославился Мюнхгаузен! Да заменят в потомстве Он меня, Бюллетени его Книгу мою». В картинке высмеяны «правдивые бюллетени» Наполеона, в которых он сообщал «своему народу» о «бессмертных подвигах» французской армии в России. Появление такой картинки ясно указывает на то, что первые русские переводы книги о бароне пользовались к тому времени большой популярностью в народной среде.

БАРОН МЮНХГАУЗЕН И ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПЕЧАТЬ

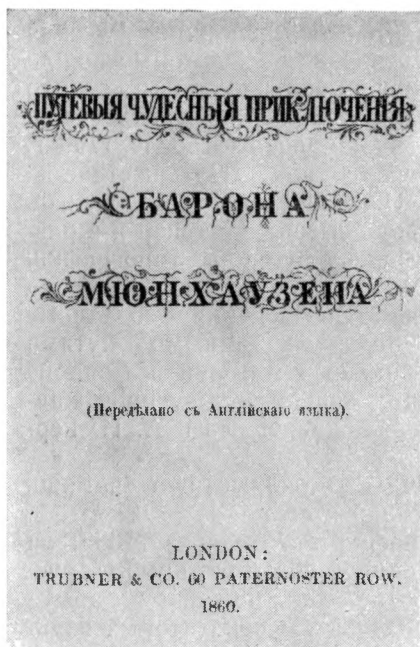
А теперь нам снова нужно будет вернуться в Англию — «книжную родину» нашего героя. В известном каталоге «Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке», вышедшем в Петрограде в 1920 г., под № 2882 зафиксирована любопытная книга: «Путевые чудесные приключения барона Мюнхгаузена. (Переделано с английского языка). Лондон, 1800. Изд. Трюбнера и К^о». В этой библиографической записи многое выглядит странным... Во-первых, Трюбнер основал свое издательство в Лондоне приблизительно на полстолетия позже — в 1851 г.; во-вторых, если это тот самый Николас Трюбнер, который издавал «Полярную звезду» и многие другие произведения А. И. Герцена и его сподвижников, то, естественно, возникает вопрос: зачем ему понадобился Мюнхгаузен? Ведь у Трюбнера *случайных* книг на русском языке не выходило... В течение десятилетнего теснейшего сотрудничества с А. И. Герценом (1855—1864) он издал около сорока книг и сборников на русском языке. Среди них — пятнадцать книг самого Герцена («Былое и думы», «Крещеная собственность» и другие произведения), сборники «За пять лет. Политические и социальные статьи Искандера и Огарева», «С того берега». Именно Трюб-

нер выпустил в Лондоне знаменитый сборник «Русская потаенная литература XIX столетия», в который вошли запрещенные царской цензурой вольнолюбивые стихи А. С. Пушкина, К. Ф. Рыльева, В. К. Кюхельбекера, именно в его издании появилась впервые после 1790 г. книга такой трагической судьбы, как «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (Лондон, изд. Трюбнера, 1858). Важную роль сыграл Трюбнер и в распространении изданий Вольной русской типографии, созданной А. И. Герценом: с его помощью «Полярная звезда», «Колокол» и другие произведения, созданные революционной русской эмиграцией, тайными путями проникали в Россию. Его книжный магазин в Лондоне был своеобразным связующим звеном между приезжавшими в Англию русскими революционерами и А. И. Герценом.

Сам Герцен высоко ценил бескорыстную помощь своего издателя. В предисловии к сборнику «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне» (1863) он писал: «Трюбнер вообще принес большую помощь русской пропаганде. Имя его не должно быть забыто в «Сборнике русской типографии». Сверх вторых изданий «Полярной звезды» и всех наших книг, Н. Трюбнер предпринял сам целый ряд изданий на русском языке: стихотворения Н. Огарева, Записки Екатерины II, кн. Дашковой, Записки Лопухина, кн. Щербатов и Радищев»¹. Так что неожиданно для себя на сей раз барон Мюнхгаузен попал, мягко выражаясь, явно не в свой круг. В чем же дело? Ведь мы знаем, что при издании книг коммерческих целей Трюбнер не преследовал (он широко издавал научные книги на английском языке, что и позволяло ему окупать издержки идейного «русского дела»). Да и сами приключения знаменитого «короля лжецов» были издавна известны в России. Цензура считала их пустыми и вполне безвредными побасенками и сохраняла постоянный равнодушно-презрительный нейтралитет. Какой же смысл издавать приключения Мюнхгаузена средствами вольной печати и тайно ввозить их в Россию?

На эти вопросы ответила сама книга, она рассеяла все сомнения и недоумения (в крупнейших национальных книгохранилищах нашей страны сохранилось пять

¹ Герцен А. И. Собр соч в 30-ти т. Т. 17, с. 80.

Титульный лист лондонской
переделки
«Приключений Мюнхгаузена»

Большой интерес представляет вступительная статья, написанная в форме обращения к «русским детям». Она объясняет, почему книга на русском языке вышла за границей. Вот что, в частности, пишет автор ее: «Книга Мюнхгаузена заставляет смеяться, как хохот и гримаса умного фигляра. Но не в этом цель ее. Всмотритесь глубже, и вы увидите, что она вызывает на вопросы, и под видом юмора дает горькие уроки. Она осмеивает чудесное, представляя его в карикатуре; она ложью разрушает ложь, а это очень важно в вашем (детском. — А. Б.) воспитании. Вы, конечно, помните то время, когда вас пугали ночными привидениями или заставляли верить всякому вздору. С этого начинается несчастное воспитание каждого из нас. Прежде, чем мы

ее экземпляров). Прежде всего, в указанном выше каталоге — опечатка: книга вышла не в 1800, а в 1860 году¹. Значит, ее выпустил друг А. И. Герцена Николай Трюбнер. Издал он ее очень тщательно, маленьким томиком (формат 10×6 см), что, впрочем, было нормой для книг, предназначенных к тайному ввозу в Российскую империю. В книге много тонко выполненных гравюр, автором которых, как удалось установить, был известный английский художник А. Кроуквил, а на фронтисписе изображен в форме офицера русской армии сам Мюнхгаузен, лукаво вззирающий на читателя.

¹ Эта ошибка исправлена в новейшем «Сводном каталоге русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» (М., 1971, № 1410).

принимаем чистые и верные понятия, нас окружает мир ложных верований. Он заслоняет от нас, как темная пелена, лицевую сторону жизни и природы; он причащает нас к нравственному бессилию и рабству. Вера в *чудесное* есть признак невежества и страха. Совсем иначе работает ум; он постоянно допытывается положительного факта, наблюдает, сравнивает и анализирует. Умственное развитие верней и успешней. Оно вытесняет веру, как твердое металлическое тело вытесняет жидкое. Кто из нас, например, искренно не верил в ту басню, что Иисус Навин остановил солнце или Моисей раздвинул палкой воды Красного моря и перешел через него, как по сухой земле? В 10 или 12 лет мы принимаем вымыслы за истины, да еще божественные... Есть миллионы людей, которые с этой верой умирают. Чем раньше мы начинаем думать и понимать действительные вещи, тем скорее освобождение от слепой веры. Вера в *чудесное* необычайно вредит нам».

В еще большей степени, говорит автор вступительной статьи, религиозная вера вредит тем, что «ее употребляют как пугало, как орудие обмана». «Тираны, попы, монахи, политики морочат нас адом, страшным судом, чертями и ангелами, как морочили нас няньки привидениями. Они знают, что чем мы глупей, тем больше будем верить на слово, а это очень выгодно для них... они стараются одурачить нас на каждом шагу; выдают, например, за несомненную истину, что царя посылает бог, как будто он так зол и безрассуден, чтобы определить в правители народа такого тигра, каким был Иван Грозный, или такого идиота, как Петр III; они уверяют нас, что наши труды, состояние, способности принадлежат им как полным хозяевам, и потому они богатеют и наслаждаются на счет нашей бедности, слез и страданий; мы постоянно желаем мира и просим свободы, а они сеют между нами раздор и неволю; мы рвемся из старых цепей, а они куют нам новые. И все это делается под тем мерзким предлогом, как будто бы они наши отцы и покровители. Чтоб держать нас в темноте и обмане, они запрещают свободно мыслить, говорить и писать, уверяя, что свобода мысли и совести опасна для народа...»

Автор предисловия обрушивается на ложь, опутывающую со всех сторон, как «свивальник малых детей», он призывает больше думать своим, а не чужим умом, не

бояться труда, когда «плоды его хороши». Школа, церковь, охранители самодержавия «приказывают, а не убеждают, они заставляют верить, а не размышлять; они воспитывают будущие машины, но не будущих граждан». «Рассказы Мюнхгаузена,— подводит он итог своим мыслям,— отучают от веры в чудесное. И если они дадут вам этот плод, результат их будет самый полезный. Не забудьте, что вы только начинаете жизнь; наше поколение, верно, умрет с цепями на руках и с бессмысленным ропотом в груди, но перед вами светит будущее, свобода ваших братьев. *Любите народ — выше и святее этого чувства нет ничего на земле*».

Глубоко гуманистический герценовский пафос отчетливо звучит в словах предисловия. А. И. Герцен во многих своих произведениях, опубликованных в «Колоколе» и «Полярной звезде», гневно бичевал политику царского самодержавия в области народного образования и воспитания детей. «*Душевредительство*» — так кратко и необычайно выразительно охарактеризовал он эту политику.

В предисловии к приключениям барона Мюнхгаузена можно легко обнаружить *прямые переключки* с мыслями Герцена.

Первая часть предисловия, в которой говорится о необходимости изучать реальную действительность, переключается с идеями Герцена в «Письмах об изучении природы». Так же явственно эта связь проявляется и в других частях.

Говоря о Николае I, Герцен заметил, что он «знаток своего дела... с 1831 г. начал воевать с детьми; он понял, что в ребяческом возрасте надобно вытраивать все человеческое, чтобы сделать верноподданных по образу и подобию своему»¹. Автор предисловия лишь слегка перефразировал некоторые мысли А. И. Герцена, высказанные им в книге «С того берега»: «Воспитание, — писал А. И. Герцен, — поступает с нами, как отец Аннибала со своим сыном. Оно берет обет прежде сознания, опутывает нас нравственной кабалой... Воспитание нас обманывает прежде, нежели мы в состоянии понимать, *уверяет в невозможном детей* (выделено нами. — А. Б.), отрывает им свободное и прямое отношение к предмету.

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 15, с. 134.

Забитые и одураченные, приученные к авторитету и указке, мы выходим с летами на волю, каждый своими силами добирается до истины, борясь, ошибаясь»².

Примечательно и другое. Автор предисловия (и, как следует полагать, переводчик приключений Мюнхгаузена) вовсе не разделяет расхожего мнения о книге как о забавной безделке. Он прекрасно понял истинную подоплеку этой смешной и безобидной, на первый взгляд, небывальщины. Он полностью разделяет мнение Рудольфа Эриха Распе, считавшего, что его рассказы призваны «ложью убить ложь», разоблачить и дискредитировать «искусство лжи» в жизни. В новом русском переводе 60-х годов Мюнхгаузен действительно выступает «карателем лжи».

И все-таки ради одного предисловия, растолковывающего читателю подлинный смысл книги, вряд ли стоило издавать средствами «вольной печати» хорошо известное в России произведение. И действительно, перед нами нечто большее, а именно — очень остроумная *литературная мистификация* — нередкий прием в издательской практике русских революционеров, часто маскировавших свои книги.

Автор переделки умело и органично вплетает в ткань «подлинных» приключений Мюнхгаузена такие детали, так комментирует истории, происшедшие с ним, что превращает «безобидную детскую книжку» в пропагандистский снаряд, направленный против самодержавия.

Посмотрим, как он этого добивается... Особенно охотно автор использует «российские мотивы» в рассказах Мюнхгаузена, вольно перенося барона из XVIII в., когда он действительно находился в России на военной службе, в XIX и обратно. Вот лишь некоторые эпизоды. Мюнхгаузен приезжает в Россию и первое, что он отмечает, это — «дырявые крыши изб в деревнях, печальные песни горемыки-крестьянина. Да, подумал я, — царская власть не хуже морового поветрия проходит по народу». В этой фразе мы видим снова чуть ли не прямое совпадение со словами А. И. Герцена, который называл эпоху царствования Николая I «*моровой полосой*». Затем Мюнхгаузен приезжает в Петербург, и вот его первое впечатление: «Не стану обременять вас описанием вели-

² Там же. Т. 6, с. 23.

колепного города,— говорит он,— а повторю стихи русского поэта:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес лазурно-бледный¹,
Скука, холод и гранит».

Стихи Пушкина... в устах барона Мюнхгаузена! Чрезвычайно остроумный прием. В чеканных строках великого поэта с предельной выразительностью запечатлен давяще-холодный облик северной столицы эпохи «моровой полосы». Прочитывая стихотворение Пушкина, переводчик устами Мюнхгаузена добавляет: «В этой прекрасной строфе заключается вся физиономия казарменной столицы, и мне нечего больше прибавить к ней». Конечно же, здесь имелся в виду не Петербург — один из красивейших городов мира, а Петербург — столица самодержавия той эпохи, когда, как писал Герцен, вся «Россия была одним обширным острогом, к обмерзшим дверям которого был привален Николай».

Досталось от «вольного» Мюнхгаузена и второй тогдашней столице — Москве. Он повсюду видит здесь «глубокое раболепие, грубое чванство; везде колокольня и питейный дом, везде униженный слуга и заносчивый барин». И продолжает: «Общество в Москве самое обворожительное. По приезде сюда я должен был сделать две непременно вежливости — во-первых, поцеловать немытую руку у митрополита, а во-вторых, явиться к губернатору. Обязанность первого состоит в том, чтобы просить бога о благоденствии древней столицы, а обязанность второго — разорять ее взятками. И духовный владыка никак не может сладить с светским — воровство здесь с незапамятных пор продолжается».

Мюнхгаузен так говорит о самодержавной России и царском дворе: «Надо знать, что в ней только один царь живет, думает и говорит, а все прочие только смотрят на него и передразнивают. Кто любит фарсы и комедии, тому советую съездить в Россию и познакомиться с Зимним дворцом. Это превосходнейший балаган фигляров в целом мире». Включен в трюбнеровское

¹ В тексте Пушкина — «зелено-бледный»: очевидно, Мюнхгаузен «цитирует» по памяти. См.: Пушкин А. С. Полное собр. соч. в 10-ти т. Т. 3. М.—Л., 1949, с. 77.

издание рассказ Мюнхгаузена из «Восьмого приключения на море» о путешествии по Ледовитому океану, во время которого он расправился с целой армией белых медведей, хитроумно «притворившись» одним из них. Трюм корабля был до отказа загружен ветчиной и мехами. Вернувшись в Лондон, щедрый барон разослал ветчину своим друзьям. А меха? «С мехами я распорядился еще лучше: я послал их русской императрице, которая оделась сама и одела весь двор. Она написала мне собственной рукой очень лестное письмо, приглашая через посланника разделить часть ее постели и трона». Но и на этот раз «свободолюбивый» барон, всегда презиравший тиранов, гордо отклонил «просьбу», потому что никогда не завидовал царскому достоинству. Получив отказ, «ее величество (имеется в виду, конечно, Екатерина II. — А. Б.) занемогло от любви и вскоре скончалось. Князь Долгорукий потом рассказывал, что главной причиной ее смерти был паралич сердца, горевшего ко мне самой пламенной любовью». «Впрочем,— добавляет Мюнхгаузен лукаво,— оно уже давно перегорело, когда мне представился случай быть преемником престола». Как можно убедиться, и в этом рассказе переводчик (скорее его можно назвать «соавтором») приключений Мюнхгаузена находит остроумный повод для осмеяния престижа монарха и «священного ореола», созданного вокруг него. Как известно, Герцен уделял большое внимание публикации документов и материалов, разоблачавших придворные тайны, знакомивших русских читателей с закулисной жизнью верховных правителей России¹. Рассказ Мюнхгаузена в своеобразной форме смыкается и с этим направлением пропагандистской работы Герцена, компрометируя и выставляя в смешном виде «помазанника божия» на российском престоле.

И предисловие, и сам текст вольной обработки книги о нашем герое неоспоримо свидетельствуют о том, что «Путевые чудесные приключения барона Мюнхгаузена» появились на русском языке в Лондоне отнюдь не случайно. Они органично вписываются в круг трюбнеровских изданий того времени, внося в общий замысел пропаганды свою ноту. Приведенные выше выдержки

¹ В этом смысле большой интерес представляет книга Н. Я. Эйдельмана «Герцен против самодержавия» (М., «Мысль», 1973).

и сравнения с герценовскими текстами позволяют утверждать, что книга вышла из окружения Герцена, сплотившего вокруг себя молодую революционную эмиграцию¹. Она была направлена против всех проявлений ложного, иллюзорного сознания, утверждала трезвый реалистический взгляд на мир и социальные условия жизни. Вышедшая как раз накануне отмены крепостного права, лондонская книга о Мюнхгаузене проникнута высоким пафосом освободительного движения.

Естественно возникает немаловажный вопрос: кто же был автором русской «мюнхгаузнады», вышедшей в Лондоне в 1860 году? К великому сожалению, на него нельзя ответить... Предисловие, яркое и выразительное, подписано лишь инициалами — «К. М.». Наиболее авторитетный источник — «Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова — не раскрывает «подходящий» по времени криптоним «К. М.». Не дают ответа и другие источники — мемуары современников, переписка А. И. Герцена, литература по истории Вольной русской типографии в Лондоне. Именные указатели к полным текстам «Колокола» и «Полярной звезды», приложенные к современным факсимильным изданиям этих замечательных памятников, также свидетельствуют, что среди их сотрудников не было человека, который бы подписывался таким криптонимом. Очевидно, таинственный (или таинственная?) «К. М.» был и автором самой переделки приключений. Заманчиво предположить, что «К. М.» — инициалы первого имени и фамилии самого нашего ге-

¹ Самому А. И. Герцену приключения Мюнхгаузена были, очевидно, хорошо знакомы. В статье «1860 год», опубликованной в «Колоколе» одновременно с выходом лондонской переработки приключений, он писал: «Нельзя прогнать Клейнмихеля и Бибикова и оставить Панина и Муравьева (который вешает), Орлова, мухановского Горчакова, и пр. и пр. С этими ядрами на ногах даже знаменитый скороход в «Не любо — не слушай» не ушел бы далеко» (Собр. соч. в 30-ти т., т. 14, с.218). Здесь Герцен имеет в виду один из персонажей книги о Мюнхгаузене — скорохода, который привязывал к ногам ядра, чтобы «не бежать слишком быстро». Интересно, что подобная история рассказана в одной из русских сказок, вошедшей в сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (1855 г.). Характерно, что ряд «бродячих» мировых сюжетов фольклора вошел в эти сказки, прямо переключаясь с некоторыми рассказами барона Мюнхгаузена (история скорохода, сказка о мужике, который с помощью быстро растущего стручка гороха (у Мюнхгаузена — турецкого боба) достиг «небес», и т. п. Это еще раз свидетельствует о фольклорных истоках книги Распе и Бюргера.

роя — Карла Мюнхгаузена... Но такое предположение вряд ли справедливо. Во-первых, автор предисловия говорит о бароне Мюнхгаузене в третьем лице, а во-вторых, такая расшифровка ничуть не проясняет вопрос об авторстве.

Будем надеяться, что дальнейшие поиски исследователей помогут раскрыть и эту тайну. Возможно, автором был человек, находившийся не в эмиграции, а в России (иначе ему не имело особого смысла скрывать свое имя). Очевидно, он полностью разделял освободительные идеи Герцена и обладал несомненным литературным дарованием. Во всяком случае, остроумная лондонская переделка приключений барона Мюнхгаузена вносит еще один выразительный штрих в славную историю вольной печати, созданной Александром Ивановичем Герценом.

«КРАСНЫЙ КАБАЧОК»

После временной «эмиграции» в Лондон в 1860 г. барон Мюнхгаузен снова возвращается в Россию. Популярность книги возрастает. За вторую половину XIX и начало XX в. в России вышло около тридцати изданий, которые можно разделить на три группы: 1) лубочные книжки; 2) подарочные издания для детей, выпущенные М. О. Вольфом и А. Ф. Девриеном и 3) полные, «серьезные» переводы книги Бюргера. Особняком стоит первая русская «мюнхгаузиада» — пьеса Ю. Беляева «Красный кабачок».

Наиболее многочисленной была группа лубочных изданий книги о Мюнхгаузене. Впервые лубочную переделку ее осуществил еще в 1833 г. Иван Гурьянов, известный в свое время автор различных спекулятивных поделок. Он был автором множества книг, составителем таких лубочных изданий, как «Полный песенник» и др. В. Г. Белинский в своих рецензиях не раз пытался спасти «... доверчивых читателей от покупки и прочтения» его книг, отличавшихся «...лубочною работою и площадным вкусом»¹. Эти качества вполне присущи и «переведенным» им заново приключениям Мюнхгаузена, которые Гурьянов выпустил под таким витиеватым заглавием: «Не любо, не слушай, а лгать не мешай, или Чудная

¹ Белинский В. Г. Полное собр. соч., т. 1, с. 311.

и любопытная история Пустомелева, помещика Хвастуновской округи, села Вралихи, лежащего на реке Лживке. Вновь переведена и дополнена с немецкого Иваном Гурьяновым». На самом деле лишь часть заглавия, выдержанного в «русском духе», да еще кое-какие вставки принадлежат перу Гурьянова; в основном же текст бесцеремонно заимствован из перевода, сделанного Н. П. Осиповым в XVIII в.

Начиная с 60-х годов приключения барона широко издаются лубочными издателями с Никольской улицы в Москве — так называемыми «Леухиными-Манухиными», основными поставщиками низкопробного чтения. В эти годы «лубочная книга» становится синонимом книги рыночной, приуроченной к невзыскательному мещанскому вкусу. По точному замечанию С. Я. Маршак, «...лубок-то хорош, плох псевдолубок»¹. На смену гравированным лубочным картинкам — своеобразному синтезу словесного и изобразительного искусства — во второй половине XIX в. приходит поток неряшливо изданных книжонок. Книга о Мюнхгаузене сразу же приглянулась «никольским издателям», особенно Манухину, который выпустил около десятка небрежно напечатанных и оформленных «двухлистовок». Обычно каждая из них была украшена одной аляповатой иллюстрацией, напечатана крупным «разгонистым» шрифтом и продавалась по очень дешевой цене — 2—3 коп. Распространяли их по ярмаркам и деревням разносчики лубочной продукции — офени, искусно расхваливавшие свой «товар». По мнению самого издателя, «из картинного описания Мюнхгаузена ничего нельзя извлечь, кроме смеха», и вполне понятно, что такая «установка» превратила произведение мировой литературы в сборник пустых и нелепых анекдотов. Такие переделки, по заказу «никольцев», делались «подворотными», как их называли, лубочными «писателями», которые не стеснялись «обрабатывать» шедевры А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и других великих русских писателей. Из лубочного Мюнхгаузена был полностью устранен сатирический план; барон — пустой краснобай и шут, увеселяющий «почтенного покупателя», в погоне за которым Манухин снабжал переиздания своей книжки новыми завлека-

¹ Маршак С. Я. Дом, увенчанный глобусом. — «Новый мир», 1968, № 9, с. 178.

тельными названиями. Например, издание 1889 г. было украшено таким: «Смешные приключения барона Мюнхгаузена, или новое Не любо — не слушай» (явная спекуляция на традиционном заглавии XVIII века).

Несколько подобных книжек выпустил и Иван Дмитриевич Сытин, начинавший свою деятельность также как издатель лубка.

В девяностых годах выходят его улучшенные издания приключений Мюнхгаузена с неплохими цветными хромолитографиями. Но, надо сказать, улучшение в сытинских изданиях коснулось только оформления, а отнюдь не содержания.

Вторую группу изданий составляли подарочные книги крупнейших книгоиздателей России, обслуживавших, как правило, «образованную публику». Это были роскошные издания, предназначенные «российскому юношеству» — детям состоятельных родителей. Несмотря на красочное оформление, тексты этих книг отличались невысоким уровнем. Переводчики, сюсюкая и поучая, как бы пригибаясь и подыгрывая, рассказывали детям о приключениях этого «милого и смешного чудака барона». В книгах было много отсебятины и навязчивой дидактики («Если бы кому-нибудь из вас, — пишет, например, переводчик вольфовского издания 1864 г., — вздумалось прихвастнуть, сказать неправду — вспомните барона Мюнхгаузена и постыдитесь походить на него»). Предки барона, в этом варианте, оказываются, изобрели компас, книгопечатание, порох; он сразу же после рождения заговорил на всех языках мира и т. п. В книге много анахронизмов. Некоторые из них вполне невинные. Так, например, Мюнхгаузен говорит: «В Петербурге часто бывают наводнения, и во время каждого наводнения город плавает. Об этом пишет и русский поэт Пушкин». В других — несколько неожиданно для respectable буржуазного издания — проскальзывают иные мотивы: барон Мюнхгаузен вместе с лордом Байроном сражается за независимость Греции и часто переплывает с ним Геллеспонт (древнее название Дарданелл); вместе с Гарибальди приплывает в Лондон, где их бурно приветствуют толпы народа («В газетах все было описано, — рассказывает барон. — Но журналисты, по вражде и зависти ко мне, умолчали о моем участии в этом деле и приписали все оvationи одному Гарибальди»). Эти имена и события лишь вскользь упо-

мянуты в конце книги и «устоев» поколебать, конечно, не могли.

Примерно в том же роде выходили приключения в изданиях А. Ф. Девриена. Одно из них появилось в 1883 г. под названием «Чудесные приключения барона Мюнхгаузена, рассказанные дедушкой своим внукам. Переделано для русского юношества О. М. Шмидт-Москвитиною». Автор переделки больше всего беспокоится о том, чтобы дети, не дай бог, не приняли рассказы барона за чистую монету, и всячески их предостерегает от этого. Вообще, надо сказать, среди переделок для детей приключений Мюнхгаузена, выпущенных до революции, не встречается ни одной удачной. Только К. И. Чуковскому в 20-е годы нашего века удалось создать замечательный пересказ его историй. Но об этом — позже.

Первое полное и профессионально переведенное издание вышло в нашей стране лишь в 1901 г., когда издательство «XX век» выпустило книгу «Барона Мюнхгаузена рассказы об его удивительных приключениях и походах в России и других странах». Перевела книгу Бюргера известная переводчица и историк литературы Зинаида Афанасьевна Венгерова (сестра крупнейшего русского литературоведа С. А. Венгерова). Ей принадлежат, в частности, первый перевод на русский язык романа Э. Л. Войнич «Овод», многочисленные переводы на английский язык произведений Л. Н. Толстого. Бюргеровскому тексту предпослана большая вступительная статья З. А. Венгеровой — здесь впервые в русской литературе раскрыт истинный смысл всемирно известной книги. Не отрицая сатирического элемента, внесенного в нее Бюргером, русская переводчица видит «главное значение книги... в живом и здоровом юморе, в очистительном смехе, вызываемом доверием к силе человеческого разума», в «жизнерадостной фантазии». Из цензурных соображений З. А. Венгеровой пришлось смягчить некоторые места текста Бюргера или замаскировать их. В эпизоде, посвященном охоте на медведей и отправке мехов в подарок царскому двору, она заменяет русскую императрицу китайской. Впрочем, далее следует прозрачный намек: «Ее (императрицы) последняя болезнь, как она сама, бедняжка, объясняла князю Цин-Хо (что значит: Долгорукий), вызвана моею жестокостью».

В 1914 г. в серии «Универсальная библиотека» издательства «Польза» вышел другой полный перевод кни-

ги — С. Г. Займовского, уже без цензурных купюр и маскировки. Среди предреволюционных изданий стоит отметить выпуск приключений Мюнхгаузена известной московской фирмой «И. Н. Кнебель». Как и другие издания И. Н. Кнебеля, книга отличается искусным и очень тщательным подбором шрифтов, высоким качеством иллюстраций.

Как уже говорилось, цензура спокойно относилась к выходу в России книг, рассказывающих о приключениях барона, тем более, что наиболее «опасные» места переводчики, как правило, смягчали или вообще опускали. В архивных документах одного из охранительных учреждений царской России недавно все-таки удалось обнаружить следы цензурного вмешательства. Допуском книг в школьные и народные библиотеки-читальни ведал Особый отдел Ученого комитета Министерства народного просвещения и без его визы ни одна книга не могла попасть в сферу школьного или «простонародного» чтения. Он систематически изгонял из библиотек подлинные шедевры мировой и отечественной классики. В 1900 г. М. О. Вольф пытался было добиться разрешения Особого отдела включить его издание рассказов Мюнхгаузена (вспомним — вполне безобидное) в гимназические библиотеки, но... безуспешно. Вот как отзывался один из цензоров-педагогов о приключениях Мюнхгаузена: «К книгам, очень известным, безвредным, пожалуй, забавным, но вряд ли *желательным* в школьных библиотеках, — принадлежат «Приключения Мюнхгаузена». Небольшой рассказ в таком духе может быть уместен подчас, чтобы посмешить ребят, но вряд ли уместна в ученической библиотеке целая книга, наполненная таким бесшабашным враньем»¹. На основе этого отзыва книга не была допущена в школы. В нем наглядно проявился крайне примитивный, узколобый подход официальной царской педагогики к выдающимся произведениям мировой классики, подозрительное отношение к юмору и фантастике.

В начале XX века в Западной Европе начинается новая волна увлечения Мюнхгаузенем. Появляются многочисленные «Мюнхгаузиады», резко меняющие образ героя. Из обличителя лжи и фанфаронствующего враля

¹ Центр. гос. исторический архив СССР, ф. 733, оп. 195, 1900 г., д. № 305, л. 58.

он превращается в певца «возвышающего обмана», фигуру трагическую, находящуюся в полном разладе с окружающей действительностью (например, в романах Ф. Клейна «Последняя ложь», Э. Ботгера «Чудо любви» и др.). И в России некоторая часть художественной интеллигенции, испытавшая на себе влияние идей символизма, также пытается по-новому интерпретировать образ барона. В какой-то мере не избежала этого и З. А. Венгерова, которая писала в предисловии к своему переводу: «Возводя фантазию в действительность... разрушая смелостью фантазии даже законы природы, Мюнхгаузен является защитником свободы духа, освободителем его от оков действительности».

Художественное воплощение такие идеи нашли в единственной русской «мюнхгаузиаде» — пьесе Ю. Д. Беляева «Красный кабачок». Эта «фантастическая история в одном действии» была издана в 1911 г. журналом «Сатирикон» и посвящена Федору Ивановичу Шаляпину. Автор пьесы — Юрий Дмитриевич Беляев (1876 — 1917) — был крупным театральным деятелем: драматургом, написавшим ряд пьес (преимущественно из русской жизни XVIII в.), критиком, активно поддерживавшим Александринский театр, близким другом Ф. И. Шаляпина.

Одноактная пьеса «Красный кабачок», написанная специально для Александринского театра, была поставлена Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом. Премьера спектакля состоялась 23 марта 1911 г. Оформил его другой выдающийся деятель искусства — Александр Яковлевич Головин. Как замечает исследователь творчества Головина, художник придал оформлению спектакля «... таинственный, даже несколько inferнальный оттенок»¹. Позднее, в 1923 г., художник еще раз вернулся к мюнхгаузеновской теме, согласившись, по предложению «Совкино», принять участие в создании кинокомедии «Мюнхгаузен». Правда, фильм так и не удалось поставить, но сам интерес одного из крупнейших художников начала XX века к образу нашего героя очень характерен.

Ю. Д. Беляев создал тонкую стилизацию, отразившую увлечение русской художественной интеллигенции (особенно художников «Мира искусства») XVIII столе-

¹ Онуфриева С. Головин. М., 1977, с. 110.

тием. Действие пьесы происходит в 1798 г. в «Красном кабачке» — в загородном трактире на десятой версте по Петергофскому шоссе от Петербурга. Он существовал в действительности, и история его такова. Как-то Петр I подарил толмачу Семену Иванову землю «за его службу, раны, полное терпение и уход из плону», и тот построил на ней трактир. Во времена Екатерины II этот трактир получил название «Красный кабачок» и стал модным местом развлечений золотой молодежи Петербурга.

Обложка пьесы Юрия Беляева
«Красный кабачок»

В пьесе Беляева изображен кутеж группы молодых офицеров. Один из них, которому «намедни товарищ аглицкую книжку достал», развлекает всю компанию рассказами о бароне Мюнхгаузене и его подвигах. Другой офицер утверждает, что «барон Мюнхгаузен вовсе не сказка: он, вишь, при фельдмаршале Минихе в ординарцах состоял, почитай, и поныне где век свой доживает» (он ошибается всего на один год — барон умер в 1797 г.). Офицеры и актрисы весело пьют за барона Мюнхгаузена; они были бы непрочь видеть его за своим дружеским столом. И вдруг из пламени камина протягивается чья-то рука в белой перчатке с раструбом... и рядом с ними появляется неизвестный — высокий, худой старик с веселыми прищуренными глазами, в пудреном парике и красном камзоле. Это сам барон Мюнхгаузен явился на зов. Оказывается, взобравшись на шпиль Адмиралтейства, он сел на золотой кораблик и долго плавал в снежных облаках над Петербургом, когда вдруг услышал свое имя. Барон рассказывает

офицерам и молодым актрисам забавные истории. Одна из них — о еловой палке, которую он привез из России к себе на родину: барон решил устроить рождественскую елку и упорно поливал палку горячим шоколадом, пока она не «распустилась», выбросив зеленые ветки; представьте, на ветках даже выросли шоколадные шишки! Мюнхгаузен у Беляева не только забавник и выдумщик, он, так сказать, «идейный» лгун, человек, прославляющий ложь, на которой, как он утверждает в прощальном монологе, «покоится мир». Перед тем, как исчезнуть, он произносит: «Довольно!.. Таков мой обычный финал! Довольно! Близится рассвет... Я — барон Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен. Я тот, которого так любят дети, кого зовут взрослые, тешатся над его рассказами и ... гонят прочь. Старый враль! Старый враль! Ах, это надоедливое карканье говорящих ворон. Но ложь моя царствует на свете! Ложь, выдумка, фантазия... Они управляют миром! Жизнь есть ложь, и ложь есть жизнь. Нет ничего правдивее лжи. Попробуйте солгать — и завтра это будет открытие, доктрина, факультет».

Мюнхгаузен в пьесе Беляева превращается в какую-то демоническую фигуру, одновременно и прославляющую, и проклинающую ложь. Что-то в нем от волшебника, сеющего ложь в мире, убеждающего людей в том, что они по природе своей недостойны правды, и единственное их прибежище и спасение — в иллюзиях, самообмане. Мюнхгаузен считает, что люди не живут в реальной действительности: все в мире питается ложью и основано на ней. Трагический образ Мюнхгаузена, выписанный, надо сказать, очень тонко и с большим стилизаторским мастерством, истолкован в духе идеалистической философии начала XX века и установок символистского театра и драматургии того времени.

Пьеса «Красный кабачок», по-видимому, не имела успеха у широкой публики: она шла в Александринском театре всего дважды и исчезла из репертуара. И все же обращение русского драматурга к этому всемирно известному персонажу еще раз убедительно свидетельствует об исключительной многозначности образа Мюнхгаузена, емкости и «многослойности» книги о нем. Этой историей мы и закончим наш рассказ о приключениях знаменитой немецкой книги в дореволюционной России.

МЮНХГАУЗЕН ДЕДУШКИ КОРНЕЯ

Осенью 1918 г. по инициативе М. Горького при Наркомпросе было создано издательство «Всемирная литература». Оно сделало очень много для сохранения и пропаганды мирового литературного наследия. В переводческой работе активнейшее участие приняли лучшие силы русской художественной интеллигенции, в том числе А. А. Блок и В. Я. Брюсов. В тех сложных и суровых условиях это был настоящий подвиг, показавший всему миру, как бережно относится молодое советское государство к непреходящим ценностям, созданным человечеством. Планы издательства были исключительно широки и разнообразны. «Приключения Мюнхгаузена», которые, как отмечено было в предисловии, М. Горький отнес к числу крупнейших произведений мировой литературы, были включены в планы выпуска. Необходимо было издать их и потому, что сколько-нибудь удовлетворительные дореволюционные переводы выходили небольшими тиражами и исчезли из обращения; многочисленные же лубочные переделки вообще находились за пределами литературы. Переделки для детей, выпускавшиеся буржуазными издательствами, не подходили из-за навязчивой и плоской нравоучительности, сюсюкающего стиля.

Главная заслуга в приобщении детей к приключениям Мюнхгаузена принадлежит Корнею Ивановичу Чуковскому, как известно, сделавшему необычайно много в детской литературе. Он увидел в книге ценное начало, пробуждающее и развивающее в детях юмор, фантазию. Не менее важным представлялось ему и то, что подчеркивал в книге Рудольф Распе: Мюнхгаузен — «каратель лжи», он заставляет смеяться над ложью, доводя ее до гротеска. В 1923 г. в издательстве «Всемир-

ная литература» выходит книга «Удивительные приключения, путешествия и военные подвиги барона Мюнхгаузена. Сокращенное издание для детей среднего возраста. С рисунками Гюстава Доре. Перевод с английского под редакцией К. И. Чуковского». Эта книга стала затем основой для многочисленных изданий, адресованных детям. Через пять лет Чуковский, пересмотрев и улучшив перевод, создал новый вариант книги — для детей младшего школьного возраста. С тех пор (1928 г.) каждые два-три года выходит в свет огромными тиражами (по 200—300 тыс. экз.) книга Распе «Приключения барона Мюнхгаузена. Для детей пересказал К. Чуковский». Недавно вышло пятнадцатое издание, и тираж разошелся мгновенно.

Переделка Чуковского выгодно отличается от всех предшествующих удачным и умелым выбором сюжетов, живостью изложения, остроумием и прекрасным литературным языком. В ней Чуковский проявил себя как тончайший знаток детской психологии, учел все ее особенности. В достаточно пестрой книге Распе (именно его текст лег в основу пересказа) Чуковский увидел два основных слоя: чисто сказочный, восходящий к традиционным фольклорным сюжетам, и гротесковый (последний проявился наиболее наглядно в эпизодах со взбесившейся шубой, которую «укусила» собака, или в том, как Мюнхгаузен спускается на землю с луны, обрубая над собой веревку и привязывая ее ниже, и т. п.). Вот эти гротесковые эпизоды, связанные с нарушением всех законов природы в угоду сметающей здравый смысл и бьющей ключом фантазии, придают книге особое обаяние и всегда вызывают неудержимый веселый смех детей. Сатирическое направление книги Распе почти не отражено в пересказе Чуковского: понимание некоторых намеков и реплик автора требует определенных знаний и подготовки.

Корней Иванович сразу же остановился на прекрасных, дополняющих текст иллюстрациях Гюстава Доре, которые до настоящего времени неизменно сопровождают «Приключения Мюнхгаузена». Этот иллюстрированный комментарий к тексту придает особую прелесть детской книжке. Остроумен скульптурный портрет Мюнхгаузена, помещаемый обычно на фронтисписе, с юмористическим указанием «автора»: «Канова 1766». Конечно, от иллюстратора такой забавной книги нельзя

гребовать абсолютной точности: выходит, что гениальный итальянский скульптор Антонио Канова в девятилетнем возрасте «вылепил» бюст Мюнхгаузена. Но у Гюстава Доре есть ряд таких расхождений с текстом, на которые дети — многие из них весьма «педантичны» — иногда обращают внимание. Так, например, «ветровик» у Распе дует на мельницу, а у французского иллюстратора — на самого Мюнхгаузена, у «жигелей Луны» на каждой руке «один-единственный палец», а на рисунке они держат палку всей пятерней, и тому подобные мелочи.

«Приключения Мюнхгаузена»
с иллюстрациями
М. Скобелева и А. Елисеева

В последнее время некоторые художники пробуют создать новые иллюстрации к «Приключениям Мюнхгаузена». Отметим удачу художников М. Скобелева и А. Елисеева, проиллюстрировавших подарочное издание «Приключений», вышедшее в 1971 г. в издательстве «Малыш»: их цветные иллюстрации (у Доре они черно-белые) очень забавны и ироничны.

Если пересказ Чуковского сразу же завоевал сердца ребят, то этого нельзя сказать о некоторой части педагогов 20—30 годов — сторонниках так называемой «педологической школы». Педологи с крайним неодобрением и настороженностью отнеслись к новой обработке приключений Мюнхгаузена, как и к некоторым сказкам и стихам Корнея Чуковского. По мнению этих плоско и вульгарно-социологически мыслящих специалистов, сказка вообще не нужна «советскому ребенку», «отрывает» его от реальной действительности, уводя в «мир

грез и фантазии», унося в заоблачные выси. Они считали, что будущему строителю социализма нужна лишь «познавательная», «полезная» книга, подходили к детской литературе с утилитарных позиций. И вот разгорелась «борьба за сказку». В нее включились лучшие советские писатели и педагоги. Сам Корней Иванович в своей знаменитой книге «От двух до пяти» с юмором и в то же время с горечью и сарказмом рассказывает о том, что пришлось испытать «его Мюнхгаузену». Наиболее яркий эпизод произошел в 1929 г. на берегу Черного моря. Писатель заметил группу больных детей, присланных сюда на лечение. Их воспитательница, какая-то «растяпистая» женщина, никак не могла успокоить расхныкавшихся и расшумевшихся ребятишек. Тогда Корней Иванович подошел к ним и стал читать свой пересказ приключений Мюнхгаузена, воочию увидев, «какое аппетитное лакомство для девятилетних людей эта веселая книга, и насколько тусклее была бы детская жизнь, если бы этой книги не существовало на свете. С чувством нежнейшей благодарности к автору я читал, под взрывчатый хохот ребят, и про топор, залетевший на луну, и про путешествие верхом на ядре...» Набежавшие разъяренные воспитатели, явно разделявшие идеи «педологии», запретили ему «читать эту дрянь нашим детям», заявив, что «в книге для советских ребят должны быть не фантазии, не сказки, а самые подлинные, реальные факты». «Но позвольте, — возражает им Чуковский, — ведь именно при помощи своих фантазий и сказок эта книга утверждает ребят в реализме. Самый хохот, с которым они встречают каждую авантюру Мюнхгаузена, свидетельствует о том, что ложь им ясна. Они именно потому и хохочут, что всякий раз противопоставляют его измышлениям реальность. Тут их боевой поединок с Мюнхгаузенем, поединок, из которого они неизменно выходят каждый раз победителями. Это-то и радует их больше всего. Это повышает их самооценку. «Ага, ты хотел нас надуть, не на таковских напал!» Тут спор, тут борьба, тут полемика, и их оружие в этой борьбе — реализм. Пойдите спросите ребят, поверили ли они хоть единому слову Мюнхгаузена, — они прыснут вам прямо в лицо. И вы оскорбляете их своей дикой боязнью, как бы их не сдурачили небылицы Мюнхгаузена! Это ли не издевательство над девятилетним гражданином Советской страны — считать его таким бес-

просветным глупцом, который способен поверить, что топоры взлетают на луну!»

«Или вы боитесь, — продолжает Чуковский, — как бы эти буффонады не расшевелили в детях чувство юмора? Почему веселая книга внушает вам такое отвращение, словно вы — гробовщики или плакальщики? Или вы во что бы то ни стало хотите отвадить ваших ребят от чтения и внушить им лютую ненависть к книге? Вы этого добьетесь, потому что вы на верном пути! И поверьте, что те педагоги, которые по-настоящему борются за коммунистическое воспитание детей, осмеют и осудят вас...» В этой гневно звучащей тираде ярко выражен гуманистический пафос новой детской литературы.

Замечательный писатель больше всего ценит в книге о Мюнхгаузене фантазию, это «ценнейшее качество ума человеческого», которое нужно бережно развивать и воспитывать в человеке с самого раннего детства. К великому счастью, не только для Мюнхгаузена, но и для всей нашей детской литературы, полоса отрицания фантастики, сказки в ней была кратковременной и исчезла без следа. Барон Мюнхгаузен одержал решительную победу, на сей раз вполне реальную... Книги, повествующие о нем, радуют и, по-видимому, всегда будут радовать маленьких читателей.

Педагог Е. А. Бондаренко, автор диссертации о восприятии комического детьми, проанализировала впечатления детей от книги о бароне Мюнхгаузене¹. Дети считают барона «смелым, храбрым и ловким», но в то же время «обманщиком и врунишкой» («Где это видано, чтобы конь на колокольне висел? Да как это, что из оленя вишня выросла? Ведь надо в землю посадить! Ну и выдумал!»). Экспериментатор умело подводит детей к выводу, что барон Мюнхгаузен своими рассказами не причиняет людям зло, что он просто выдумщик и фантазер, любит шутить, веселить людей. Такие же результаты дал эксперимент, проведенный в некоторых ленинградских школах и детских библиотеках². Школьники

¹ Бондаренко Е. А. Восприятие комического в литературно-графическом изображении детьми дошкольного возраста. Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. Минск, 1968.

² Анализом восприятия сатиры и юмора детьми много занимается О. С. Либова, сотрудница Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; ей принадлежит ряд работ по этому вопросу.

Андрей Баранюк, Ева Снеговская, Таня Герасимова утверждают, что Мюнхгаузен — добрый человек: ведь он лжет без всякой пользы для себя, бескорыстно, он никого не пытается обмануть; все прекрасно понимают его лукавство и юмор.

Вот эта лукавая усмешка, которая сопровождает приключения Мюнхгаузена в пересказе Чуковского, добрый и поэтичный юмор прекрасного детского писателя придают его книге необыкновенную прелесть и обаяние.

В детском воспитании этой книге принадлежит особое место, и каждый ребенок, как нам кажется, непременно должен познакомиться с ней. Она не только смешит, забавляет и веселит детей (хотя это тоже очень важно!). Книга учит смеяться над вральями разных мастей, воспитывает ощущение реальности окружающего мира, неизбежной победы разума. В дальнейшем дети познакомятся на страницах других книг с Вральманом, Загорецким, Иваном Александровичем Хлестаковым, Тартареном из Тараскона, пред ними предстанет целая галерея, своеобразный паноптикум лгунов, запечатленных в мировой литературе. И первый лгун, встретившийся на их пути, — барон Мюнхгаузен подготовит их к этой встрече.

Популярность и жизненность этого образа вызвали появление в нашей детской литературе особых «мюнхгаузиад». Героями их выступают разные люди, в основном «бывалые» моряки и путешественники, вкрапливающие в реальную основу своих рассказов совершенно фантастические подробности. Вот, например, преподаватель навигации в мореходном училище, старый «морской волк» Христофор Бонифатьевич Врунгель (фамилия-то какая!) в книге Андрея Некрасова «Приключения капитана Врунгеля». Или — карикатурный образ капитана по прозвищу «Плавали — знаем» из книги Виталия Коржикова «Веселое мореплавание Солнышкина». Существует в нашей литературе и космическая «Мюнхгаузиада», перекликающаяся с пародийной книгой Ст. Лема «Звездные дневники Ийона Тихого», — книга Георгия Садовникова «Продавец приключений». Современный якутский писатель М. Ефимов создал образ «Сэмэнчика-Мюнхгаузена» — озорного мальчишки, выдумщика и хвастунишки. Дети смеются над его небылицами, поощряя возгласами: «Продолжай, Мюнхгаузен, говори, барон!». Имя нашего героя стало нарицательным.

В последние годы большую популярность среди детей завоевала грампластинка «Приключения барона Мюнхгаузена» (инсценировка О. Герасимова), где роль барона прекрасно исполнил Е. Евстигнеев. Постоянным успехом пользуется и мультипликационный фильм, созданный в 1967 г. режиссером Л. И. Мильчиным по мотивам приключений Мюнхгаузена. Написан ряд инсценировок для кукольного театра. В популярнейшую передачу советского радиовещания для детей «Клуб знаменитых капитанов», как известно, включен и барон Мюнхгаузен, живо комментирующий все события со свойственным ему юмором. В 1977 г. рядом московских и ленинградских театров была поставлена новая оригинальная «мюнхгаузиада» — пьеса Григория Горина «Комическая фантазия о жизни, любви и смерти знаменитого барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена». Мюнхгаузен постоянно вдохновляет писателей, артистов, режиссеров: он действительно принадлежит к вечным образам мировой литературы.

Как и ряд других всемирно известных книг, «Приключения Мюнхгаузена», предназначавшиеся в пору их создания взрослому читателю, постепенно вытесняются в детскую комнату. В силу своих особенностей книга Распе — Бюргера совершила этот путь гораздо стремительней других книг и, кажется, обнаруживает явную склонность остаться в ней навсегда. Она так и воспринимается подавляющим большинством читателей: «Мюнхгаузен!? Да ведь это же книга для детей!». Пересказ Чуковского и другие переделки книги действительно предназначены для детского возраста. Но совсем иное дело полный текст бюргеровской книги. Вдумчивый взрослый читатель и сейчас увидит в ней острую социальную сатиру, которая в адаптированных изданиях для детей почти не видна, оценит ее как чудесный памятник немецкой литературы XVIII века, впитавшей в себя лучшие традиции фольклора, народного юмора, того, что крупнейший советский литературовед М. М. Бахтин назвал «народной смеховой культурой». Это делает книгу Бюргера вполне достойной включения в 200-томную серию «Библиотека всемирной литературы», выпускаемую в настоящее время. Приключения Мюнхгаузена включены в план серии «Библиотека всемирной литературы для детей», но издатели вполне естественно ориентируются в данном случае на текст Распе.

В первые же годы Советской власти предпринимались попытки нового перевода и издания книги Бюргера. Одновременно с изданием в сокращенном виде «Всемирной литературой» в 1923 г. выходит еще одна — в старом переводе С. Г. Займовского (издательство «Новая Москва»). В 1926 г. книгу о Мюнхгаузене выпускает «Земля и фабрика», в следующем — «Огонек». Однако все эти переводы были невысокого качества, страдали погрешностями, а главное — неполнотой. Полный и точный перевод, тонко передающий особенности стиля Бюргера, его подчас злую иронию и колорит времени, был осуществлен В. С. Вальдман. Книга Готфрида Августа Бюргера вышла в ее переводе в 1956 г. с вдумчивой вступительной статьей и примечаниями А. В. Амстердама. Вышла она без иллюстраций, если не считать красочного портрета героя на фронтиспise. Тираж книги быстро разошелся, и в 1961 г. вышло второе ее издание, на этот раз иллюстрированное (художник Н. Е. Муратов). Барон Мюнхгаузен предстал в этой книге в полный рост перед читателями. Они вполне теперь могли оценить ее, убедиться в том, насколько неоднозначен образ Мюнхгаузена, насколько многопланова книга о нем.

Почти двести лет прошло со времени выхода в свет книги, созданной двумя немецкими писателями. За это время она облетела весь свет, проникла в самые отдаленные уголки земного шара, неся с собой радость, веселье, смех. Жизнь замечательной книги о Карле Фридрихе Иерониме Мюнхгаузене, «самом правдивом человеке на земле», продолжается...

Закончим наш рассказ о судьбах всемирно известной книги и ее герое словами немецкого писателя-сатирика XVI в. Георга Роленгагена, которые привел Готфрид Август Бюргер в предисловии к первому изданию «Приключений Мюнхгаузена»:

Кто враг любому веселому слову,
Уходит пускай подобру-поздорову!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА
3

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА
5

РУДОЛЬФ ЭРИХ РАСПЕ ИЛИ ГОТФРИД АВГУСТ БЮРГЕР?
11

«МЮНХГАУЗИАДЫ»
26

БАРОН МЮНХГАУЗЕН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РОССИЮ
30

«НЕ ЛЮБО, НЕ СЛУШАЙ, А ЛГАТЬ НЕ МЕШАЙ»
30

БАРОН МЮНХГАУЗЕН И ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПЕЧАТЬ
36

«КРАСНЫЙ КАБАЧОК»
45

МЮНХГАУЗЕН ДЕДУШКИ КОРНЕЯ
53

Блюм Арлен Викторович
КАРАТЕЛЬ ЛЖИ,
ИЛИ КНИЖНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

ИБ 322

Редактор Э. Б. Кузьмина

Художественный редактор Н. Д. Карандашов

Технический редактор Н. И. Аврутис

Корректор Весельницкая Н. М.

А. 10115 Сдано в набор 12.VIII.1977 г. Подписано к печати 12.I.1978 г.
Формат бум. 84×108¹/₃₂. Тип. № 1. Усл. печ. л. 3,36 Уч.-изд. 3,25
Тираж 50 000 экз. Изд. № 2188 Заказ 1973 Цена 20 коп.

Издательство «Книга»
Москва К-9, ул. Неждановой 8/10
Московская типография № 4 Союзполиграфпрома
при Госкомиздате СССР
г. Москва, №-41, Б. Переяславская ул., д. 46

Блюм А. В.

Б 71 Каратель лжи, или Книжные приключения барона Мюнхгаузена. М., «Книга», 1978.
64 с.

Рассказ о судьбе всем известной с детства книги, о реальном прототипе всемирно известного героя, о связи образа с немецкими народными сказками.

Читатель узнает о знаменитых иллюстраторах книги, о потоке «мюнхгаузиад» — подражаний, переделок, продолжений книги, о популярности «Приключений Мюнхгаузена» в России, о множестве изданий книги — от дешевых «лубочных» до серьезных и полных, о том, как издание Мюнхгаузена послужило оружием в руках сподвижников Герцена, о новой жизни «Приключений Мюнхгаузена» при Советской власти — в прекрасном пересказе для детей К. Чуковского.

Б $\frac{61001-015}{002(01)-78}$ 4-78

002

**В 1978 ГОДУ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «КНИГА»
В СЕРИИ «СУДЬБЫ КНИГ»
ВЫХОДИТ БРОШЮРА:**

БОЛЬШАКОВ Л. Н., БОРОДИН В. С.
Путь «Кобзаря». М., «Книга», 1978
(II кв.) 5 л. с ил. (Судьбы книг).
50 000 экз. 22 к.

Брошюра о трагической и героической истории «Кобзаря» Т. Шевченко, рождении и издательской судьбе «мужицкой книги», запрещении и изъятии, распространении ее в многочисленных списках в России. Авторы рассказывают о роли «Кобзаря» в революционной борьбе, возрождении книги после победы Великого Октября, о переводах ее на многие языки народов СССР и мира.

Брошюра предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей любимых книг.